
— АКТ ДЕВЯТЫЙ —
ЗА ПРЕДЕЛАМИ МИРА

— Пролог —

Ватикан
29 июля 2030 года

В воскресное утро, залитое солнцем, площадь Святого Петра колыхалась морем паломников. Они, словно подсолнухи, тянулись к балкону, ожидая голоса Папы, его благословения.

Гилберт Зан, затерянный в этой пёстрой толпе, наблюдал, как вера озаряет лица людей. Он видел их надежду, их искреннюю радость при звуках родного языка, сорвавшегося с уст понтифика. Почти с завистью, но с горькой усмешкой, он покачал головой и двинулся дальше, сквозь хоровод взывающих ввысь голубей.

Даже величие латыни, этого универсального языка, не тронуло его, когда он миновал замок Сант-Анджело и пересёк Тибр по мосту Виа Занарделли. Лёгкая улыбка тронула его губы, когда он остановился на мощёной улочке перед оживлённым кафе. С грустью в глазах он смотрел сквозь запотевшее стекло. Внутри царил праздник жизни: смех, оживлённые разговоры, звенящие тарелки, услужливые официанты. Дамы в возрасте, потакая своим питомцам, незаметно подкармливали их под столом кусочками печенья. Зан, с тенью печали на лице, снова двинулся в путь.

Тринадцать лет... тринадцать долгих лет прошло с тех пор, как Гилберт Зан в последний раз ощутил вкус еды, ласку комфорта, негу роскоши. Забыты вкус горячего блюда, терпкость свежего пива, рубиновый отблеск вина в бокале... тепло женских рук. Всё это стало чужим, далёким воспоминанием, погребённым под обломками трагических событий, навсегда изменивших его жизнь.

Детство, казавшееся теперь нереальной сказкой, всплыло в памяти. Куинс, Нью-Йорк, 1970-е... Беззаботность, невинность, незнание своей судьбы. Восхищение отцом, желание идти по его стопам. Как наивно это кажется теперь!

Его отец, Виктор Зан, был учёным, работавшим на правительство США. Его новаторские исследования в области атомной энергетики гремели на весь мир. Именно Виктор Зан разработал первые проекты экспериментального термоядерного устройства с инерционным удержанием, управляемого лазером. Это устройство, построенное в Европейском союзе в 2011 году, стало прорывом, положившим начало первому в мире термоядерному реактору, навсегда разрешившему мировой энергетический кризис и принесшему Виктору заслуженную Нобелевскую премию мира.

В юности Гилберт Зан ворвался в научный мир, словно метеор, когда в судьбоносном 1999 году случайно "расщепил" атом Ракушина. Это открытие,

подобно взрыву сверхновой, озарило горизонты ядерной физики, мгновенно принеся ему славу. Однако, словно устав от ослепительного света ядерного мира, Зан обратил свой взор к кибернетике, видя в ней более безопасную и перспективную гавань науки. Он погрузился в изучение робототехники, наивно полагая, что его творения не смогут быть использованы во зло или для разжигания войны.

Но его светлые надежды оказались лишь хрупким миражом. В 2000 году он начал работу над докторской диссертацией по прикладной теоретической кибернетике в Городском университете Нью-Йорка. В тот же год журнал Princeton Review внёс его имя в список двадцати самых многообещающих студентов, предрекая ему великое будущее.

Вскоре, однако, в сознание Зана закралось зловещее подозрение. Прототип робота, получивший имя "Икс", всё чаще стал заменять сенатора Джорджа Ксетеуса на публичных мероприятиях. Он понимал необходимость обеспечения безопасности, но почему именно сенатор, а не президент Обама, должен был опасаться покушения?

Вскоре их попросили создать сотни машин "X Robot", используя биомиметический синтез и управляя их спортивным препаратом "TS". Ни Дама, ни его начальство не объяснили причин, но от Зана и его команды ожидали беспрекословного подчинения. Через пару лет, когда они приступили к работе над проектом "Y", среди младших коллег начали шептаться зловещие слухи: вторая фаза проекта включала военное применение!

Последующее изучение компьютерных файлов доктора Дама раскрыло чудовищную правду: за всем этим стоял зловещий синдикат Мистера Икс, планирующий свергнуть правительства по всему миру. Но было уже слишком поздно. Зан был "выбран" в качестве испытуемого для первой фазы проекта "Y" и, против его воли, превращён в киборга. Именно в этот момент его человечность была безвозвратно утрачена.

Зан часто возвращался мыслями к этому роковому событию, к точке невозврата в своей жизни. Прогуливаясь по улицам, он с горечью размышлял о том, каким прекрасным, должно быть, кажется этот город его обычным жителям: мягкий воздух, аромат морского бриза, простая радость жизни, заключенная в еде – жареной рыбе, свежих салатах, охлаждённом вине. Его собственные чувства теперь были лишь холодной суммой цифр, алгоритмов и уравнений. Он почти забыл, что значит по-настоящему что-то чувствовать.

Став киборгом, Зан переродился из робкого учёного в беспощадного мстителя, карающего преступный мир. Он вышел на Адама Хантера, одного из полицейских, чьи имена запятнал крах проекта «Икс», и примкнул к их отряду линчевателей в священной войне против всемогущего Синдиката. С годами битвы плоть Зана угасла, пока в злополучном 2018-м выстрел не оборвал его земное существование. Прощальная церемония, скорбь и забвение... Но британская разведка, словно Феникс из пепла, воскресила его, вернув к жизни кибернетические останки. Теперь он – андроид, стопроцентная машина, лишённая трепетного сердца и мятущейся души. Он всё ещё воспринимал некое подобие эмоций, цифровые отголоски бывшего, жалкую пародию на человеческие чувства. В глубине своей металлической сущности Зан жаждал окончательной смерти, освобождения от вечной борьбы, но его андроидной природе была уготована абсурдная долговечность – столетия

бесстрастного существования. О, сколько времени, отпущенного одинокому скитальцу, на созерцание и размышления!

После падения Синдиката, поверженного много лет назад огнём Firestorm, Зан служил МИ-6, самой скрытной организации британской разведки в Новом Лондоне. Его уникальные возможности андроида были бесценны: он видел то, что ускользало от взора лучших шпионов, отточенных годами дисциплины.

Он поймал аэрокар и велел водителю доставить его в порт, что ютился на самом южном берегу Тибра. Согласно расчётам, именно там его итальянская миссия должна была достичь кульминации. Спустя полчаса Зан уже стоял под гигантским оранжевым грибом зонта, притворно потягивая кофе и изучая корабли, покачивающиеся на волнах. Часы тянулись, а он оставался неподвижен, словно кибернетическая статуя, исполненный решимости увидеть цель.

Ночью, в тишине своего цифрового разума, он задался вопросом: почему эта пара в чёрном «Мерседесе» так сильно выбивается из пёстрой картины порта, где смешались языки и культуры со всего мира?

Машина затормозила у причала. Из неё вышел человек пониже ростом, закутанный в чёрный плащ, под которым угадывалась военная форма. Он принялся внимательно осматривать суда.

Роботизированные глаза Зана приблизили лицо незнакомца. "Этого не может быть..." – прошептал он. Он узнал его, но это было невозможно... Это противоречило всему, что он знал.

Нейронная сеть Зана отправила серию снимков в штаб МИ-6, используя спутниковую связь. Человек, наконец, поднялся на борт одного из кораблей и исчез в его утробе. Затем взгляд Зана упал на его спутника, оставшегося в машине с открытым верхом. Невероятно, но это была почти идеальная копия Акселя Стоуна, за исключением более высоких скул и пронзительных фиалковых глаз. Его светлые волосы, залитые маслом, лежали гладкой волной. На нём был тёмный костюм, белоснежная рубашка и строгий чёрный галстук.

Зан щёлкнул затвором, молясь, чтобы аналитики в Нео-Лондоне смогли увидеть хоть что-то из этих таинственных силуэтов.

«Мерседес» лоснился чёрным, как вороново крыло, лаком, а бордовая кожа сидений дышала запахом новой роскоши. Но взгляд Зана приковала аура, исходящая от одного из мужчин. Аура ледяного высокомерия. Запрокинутая голова, плотно сжатые губы, небрежное движение руки, стряхивающей пепел сигареты на древнюю брусчатку – в каждом жесте сквозило презрение ко всему сущему. Но было и нечто большее: обжигающая, фанатичная целеустремленность. Этот человек был одержим своей миссией настолько, что готов был перемолоть в пыль любого, кто встанет на пути. Возможно, думал Зан, именно поэтому он держался так отстранённо – боялся, что малейшая уступка чужим желаниям осквернит чистоту его намерения.

Сколько лет, сколько горьких разочарований и сокрушительных неудач потребовалось, чтобы выковать такое чудовище?

Его спутник вернулся к машине, пряча лицо в тени надвинутого капюшона. Невысокий, но гибкий, он двигался с проворством армейского разведчика, с инстинктивной грацией лесного следопыта. В его движениях чувствовалась грубая, функциональная эффективность, когда он скользнул за руль и забросил небольшую холщовую сумку на заднее сиденье. В этот самый момент Леон Шива сошёл с трапа, скрестил руки на груди и что-то сердито высказал своим визитёрам.

– Господи, – пробормотал Зан, – да тебя днем с огнём.. – Он настроил свои аудиосистемы, выхватывая обрывки разговора из потока уличного шума, и снова отправил данные в штаб-квартиру МИ-6.

– Так не договаривались, – рычал Шива. – Вы не выполнили свою часть сделки.

Человек в плаще усмехнулся, и в этом звуке не было ничего человеческого. – Я вытащил тебя из спасательной капсулы не для того, чтобы теперь на тебя работать, Леон. Нет, я не думаю, что ты понимаешь, с кем имеешь дело.

– Так ты предпочитаешь работать на Энигму?! – взревел Шива, теряя самообладание. – Да пошёл ты, Антракс! Сделка аннулирована!

Напряжение стуслилось, словно перед грозой. Если у Зана был хоть малейший шанс захватить Шиву, он должен был действовать сейчас, пока всё не взорвалось. Он выскочил из своего укрытия, с грохотом опрокидывая стулья и разнося в щепки посуду, надеясь застать их врасплох, но опоздал.

Светловолосый мужчина, Энигма, выхватил из бардачка «Дезерт Игл» и молниеносно направил его на Шиву. В ту же секунду прозвучали выстрелы. Несколько пуль прошли грудь Шивы, заставив его рухнуть на колени, заглывываясь кровью.

– Твою мать! – простонал Шива, изрыгая кровавую пену. В толпе зевак раздались испуганные крики.

Энигма захохотал, пальба стихла, пистолет опустел. Две последние пули вонзились Шиве прямо в лицо, и голова его взорвалась багровым фонтаном, словно перезрелый арбуз, расплескав по палубе мозги и кровь. Тело Шивы обмякло, безжизненно рухнув наземь.

– Теперь я здесь главный! – провозгласил Энигма, его голос звенел триумфом. – Отдыхай, дурак. Твой час пробил.

Антракс обернулся, и в тусклом свете фонарей заметил, как Зан скользит к ним по мокрой булыжной мостовой.

– Берегись! – взревел он. – Это доктор Зан!

Зан слегка нахмурился, сканируя их лица. Откуда им знать его? Неужели его худшие подозрения об истинном происхождении Антракса подтверждаются?..

Энигма с презрением швырнул опустевший пистолет, выхватил с заднего сиденья гранатомёт и, прицелившись, спустил курок, как только андроид оказался в пределах досягаемости.

Зан едва успел осознать опасность, когда реактивная граната со свистом рассекла воздух и вонзилась в его нагрудную броню. Взрыв ослепил его, и адское пламя разорвало его роботизированное тело на куски, осветив ночь неестественным, жутким светом. Мир вокруг него искривился, системы начали отключаться, а экран сознания заполнился каскадом сообщений о критических ошибках. Смутно, в последние мгновения, он заметил, как его голова отлетела на несколько футов и упала лицом вниз на влажные, поросшие мхом бульжники.

— Аномалия... — прохрипел он, голос его дрожал от помех. — Фатальная... ошибка...

Искра в задымившейся электронике возвестила о коротком замыкании в нейронной сети. Если системные инженеры не вмешаются в ближайшие минуты, повреждения станут необратимыми. И тут его голова подпрыгнула и покатилась, отброшенная пинком сапога Антракса, который вышел из машины.

— Ты... — запнулся Зан, его слова обрывались от статических помех. — Зачем... тебе...

Антракс молчал. Подобрал с обочины бульжник, и с остервенением принялся крушить им изуродованное лицо Зана. Краска осыпалась, обнажая сплавы, а затем и хрупкую паутину электрических схем.

Зрительная кора Зана погасла, но он всё ещё чувствовал удары, терзающие его лицо — механический отголосок человеческой боли. Нервные системы отказывали одна за другой, и осознание запоздалой помощи обрушилось на него, как ледяная лавина. Спасения нет. Это конец. Миссия провалена.

Когда тьма сомкнулась, промелькнула слабая надежда на покой. С этой последней мыслью Гилберт Зан умер.

Антракс презрительно фыркнул, поднял обломки механической головы и, не глядя, швырнул их в реку. Развернувшись, тяжело дыша, он увидел, как Энигма сталкивает за борт, в мутные воды, истерзанное пулями тело Шивы.

— Пусть спят с рыбами, — выплюнул Энигма. Без лишних слов он вернулся к машине, Антракс уже прогревал двигатель. Вдали завывали полицейские сирены, но их вой был погребальным звоном для тех, кого они должны были спасти.

Антракс с визгом развернул машину, вдавливая педаль газа в пол. Из ближайшего кафе выскочила маленькая собачонка, залаяла на чайку, примостившуюся на причале. Мгновение — и она попала под колёса, захлёбываясь предсмертным визгом. "Мерседес" промчался мимо, не сбавляя скорости, оставляя за собой лишь агонию и дым.

Штаб-квартира ФБР
Вашингтон, округ Колумбия
31 июля

Роберт Мерфи сидел в своём кабинете, заваленном горами бумаг, и вчитывался в отчёт о происшествии, словно отгородившись от реальности тысячей миль. Кабинет был его убежищем, но сегодня даже его привычный хаос не мог отвлечь от тяжёлых мыслей.

Отчёт лежал перед ним с самого утра, и он перечитал его уже не раз. Но сколько бы он ни пытался сохранить беспристрастность, профессиональный холод ускользал, оставляя лишь тягостный ком в горле.

На лице Мерфи, обычно непроницаемом, теперь застыла маска скорби, смешанная с тлеющим гневом. Известие о жестоком убийстве доктора Зана, андроида, с которым его связывала долгая дружба и совместная работа над не одним громким делом, никак не укладывалось в голове. Смерть, настигшая Зана всего два дня назад, казалась чудовищной нелепостью. Капли пота выступили на лбу Мерфи, несмотря на то, что кондиционер в комнате гудел на полную мощность, отчаянно сражаясь с гнетущей атмосферой.

Внезапный треск интеркома прервал тягостное молчание. Мерфи машинально нажал на кнопку.

— Да? — глухо отозвался он.

— Агент Мерфи, — прозвучал голос из динамика, — к вам посетитель...

Мерфи нахмурился, собираясь с силами после удара. Глубокий вздох — и он попытался вернуть себе самообладание.

— Кто? — спросил он.

— Дизи Куджаку из британской разведывательной службы, подразделение МИ-6.

Мерфи едва заметно кивнул, словно подтверждая свои догадки.

— Хорошо, пригласите его.

Мгновения спустя в кабинет вошёл Дизи, даже не постучавшись. В его взгляде читалась усталость, вьёвшаяся в каждую морщинку. Сразу же захлопнув за собой дверь, он сорвал с переносицы солнцезащитные очки, бросив мимолётную жалобу на духоту улицы. Смуглая кожа, короткая, аккуратно подстриженная бородка и мускулистое телосложение скорее выдавали в нём культуриста, чем сотрудника британской разведки. Он протянул руку, и Мерфи с готовностью ответил на крепкое рукопожатие.

— Добро пожаловать в Соединённые Штаты Америки, — произнёс Мерфи, отмечая стальную хватку. — Рад наконец-то познакомиться с вами лично, мистер Куджаку.

Дизи кивнул, проглотив формальности.

— Зовите меня Дизи. И спасибо, что согласились встретиться так быстро, но мы действительно не знали, что ещё можно предпринять в связи с этим делом... — в его речи проскальзывал едва уловимый американский акцент.

Мерфи указал на пару мягких кожаных кресел, стоящих у стола, и Дизи, не теряя времени, опустился в одно из них, закинув ногу на свободный стул.

— Как прошёл ваш полёт? — дежурно поинтересовался Мерфи.

— Без происшествий, — коротко ответил Дизи. — Полагаю, вы ознакомились с отчётом, который я отправил по факсу заранее?

— Да, — подтвердил Мерфи, — вот он. — Он слегка приподнял папку, лежащую на столе. — Я прочитал его несколько раз, и у меня остался только один вопрос...

— Валяйте.

— Вы говорите, доктор Зан был отправлен в Италию с единственной целью — найти и захватить Леона Шиву? — уточнил Мерфи, в его голосе сквозило недоверие.

Дизи наклонился вперед, его глаза горели решимостью. — Именно так. МИ-6 давно и пристально следит за перемещениями Шивы. Это не афишируется, но в 2027 году, после уничтожения «Опустошителя Миров», наши космические спутники нового поколения зафиксировали, как вторая спасательная капсула вошла в атмосферу Земли. Шива выжил, и наши люди три долгих года рыскали по миру в его поисках. В конце концов, след привёл нас в Италию, и мы отправили Зана, чтобы сузить круг и задержать его. Наши данные оказались абсолютно верны.

Мерфи приподнял бровь. — Это подводит меня к главному вопросу: что Шива искал в Италии?

Дизи вздохнул, и в его взгляде мелькнула тень растерянности. — Честно говоря, мы до сих пор не уверены. Он объездил полмира, посещая места, пропитанные религиозным значением. Иерусалим, Кусинагара, Варанаси, Мекка, Мадурай, Хеврон, Ватикан...

— Возможно, он искал духовного искупления? — предположил Мерфи, хотя его голос звучал скептически.

— Едва ли, — отрезала Дизи. — Скорее всего, он охотился за чем-то гораздо более материальным. Тот факт, что Шива погиб в результате, по всей видимости, обычной бандитской перестрелки, наводит на мысль, что за его путешествиями скрывалось нечто большее, чем кажется на первый взгляд. Мы уже установили связь одного из стрелков со взрывами, устроенными ФБР в 2013 году. И что самое странное, деятельность Синдиката с тех пор так и не возобновилась. По сути, эта организация мертва и похоронена. Что бы ни замышлял Шива, это было делом личным, но от этого не менее подозрительным. Мне нужно немедленно связаться с Адамом Хантером. Его опыт работы с «Опустошителем Миров» может пролить свет на эту тёмную историю.

Мерфи глубоко вздохнул и кивнул. — Хорошо, я организовал встречу с остальными агентами, которые будут работать с нами над этим делом. Адам тоже будет там.

На лице Дизи промелькнула слабая улыбка. — С нетерпением жду встречи со стариком.

— Дизи, начинаем через десять минут в «Золотом» зале. Может, кофе перед погружением? — Мерфи возник в дверях, словно материализовался из другого измерения, вопросительно глядя на Дизи.

Дизи бросил на него усталый взгляд. — Мерфи, у меня в венах уже плещется капучино, а кофеина в крови хватит, чтобы отправить шаттл на орбиту. Но спасибо, скоро буду.

— Тогда я прослежу за проектором, — смущенно пробормотал Мерфи и исчез в лабиринте коридоров.

Дизи потерял счёт чашкам, опустошенным за последние двое суток. Кофе был его единственным топливом, его личным реактивным двигателем. После известия о гибели Зана и Шивы он практически заперся в своем кабинете в Нью-Йорке, корпел над отчётами, словно археолог, раскапывая крупицы информации о реакции разведок мира. Лишь короткие вылазки в его стильную квартиру в Нью-Кэмпдене, чтобы набросить на себя чистую рубашку и вздремнуть пару часов, ненадолго вырывали его из когтей хаоса.

Как один из ведущих аналитиков МИ-6, Дизи привык к изнурительным сменам. Но к последствиям этих событий он оказался не готов. Смерть Зана была болезненным ударом, но дерзкое убийство Леона Шивы, совершённое неизвестными, потрясло мир шпионажа до основания. Кто осмелился пойти на такое? И во что ввязался Шива?

Он глубоко вздохнул, одернул идеально сидящий костюм, подхватил ноутбук и направился к выходу. Но в последний момент остановился, словно притянутый невидимой нитью, и вернулся к столу, где стояла его неизменная керамическая кружка с остывшим кофе. Осушив её залпом, он решительно направился к двери.

В «Золотом» зале царило напряжённое ожидание. Большинство собравшихся — мужчины, с нетерпением ожидавшие его доклада. По пути Адам Хантер энергично пожал ему руку.

— Рад видеть тебя, Дизи, — улыбнулся Адам. Их связывали годы дружбы, они были почти братья, выросшие в тени поместья в Чикаго.

— Взаимно, — ответил Дизи. Обменявшись ещё парой ничего не значащих фраз, Адам занял своё место.

Пока Мерфи начинал совещание с формального обзора, Дизи изучал лица в зале. В основном — молодые агенты ФБР, целеустремленные, жаждущие продвижения, соблазненные перспективой шестизначных премий. И лишь редкие

седые головы и округлившиеся животы выдавали ветеранов, проведших жизнь в стенах этого здания.

— А детали этого дела представит Дизи Куджаку, — подытожил Мерфи, жестом передавая слово. Дизи бесшумно подключил свой ноутбук, и на экране проектора вспыхнула заставка PowerPoint.

Мерфи, словно желая создать атмосферу секретности, подошёл к стене и одним движением опустил жалюзи, отрезая конференц-зал от впечатляющей панорамы Пенсильвания-авеню, открывавшейся из высотного здания Эдгара Гувера.

— Дамы и господа, Леон Шива, — начал Дизи ровным, но пронизывающим голосом.

На экране возникло лицо мужчины. — Уверен, присутствующим нет нужды в представлении. Бывший солдат, ставший мировым террористом, правой рукой таинственного Мистера Икс, а затем и верховным главой Синдиката. Человек, ответственный за неисчислимы зверства... уничтожение более двух миллионов жизней и ядерный пепел, оставшийся на месте Старого Лондона. Человек, три года назад едва не обрёкший мир на гибель.

— Кто не слышал об этой твари? — буркнул Илай, круглолицый мужчина, не отрывавшийся от своего пончика. — Ему место не здесь, а в смирительной рубашке Гартлохской психушки.

Дизи коротко кивнул. — После уничтожения „Опустошителя Миров“ три года назад Шива бежал на одной из спасательных капсул. И всё это время МИ-6 отслеживала его путь по планете.

— Только не говорите, что он снова сколачивает Синдикат... — протянул Илай, стряхивая крошки с губ.

— На самом деле, нет, — ответил Дизи. — Никаких подтверждений этому нет. Насколько нам известно, Синдикат мёртв и похоронен. Последние годы Леон Шива, похоже, совершал странное паломничество, посещая места, имеющие религиозное значение. Города и гробницы, дворцы и храмы — христианские, мусульманские, индуистские... список можно продолжать. Мы планировали захватить его и выяснить, что движет им, но два дня назад он был убит в какой-то бандитской перестрелке неподалёку от Ватикана...

— Собаке — собачья смерть, — донеслось из дальнего угла зала.

Дизи сменил изображение на экране. — В убийстве замешаны двое мужчин. Первый, по моим данным, причастен к нераскрытым взрывам, совершённым ФБР в 2013 году...

Комнату пронзила тишина, словно осколок стекла. Сердце Адама бешено заколотилось, готовое вырваться из груди, когда он увидел фотографию. Он слишком хорошо знал этого человека.

— Энигма! — выдохнул он, едва слышно.

Дизи нахмурился. — Ты его знаешь?

— Конечно, — ответил Адам. — Разве ты не читал мой отчёт об инциденте с «Опустошителем Миров»? Это парень, который... родился... на том корабле. Эксперимент Синдиката...

Глаза Дизи расширились от изумления. — Ты говоришь о двойнике Акселя Стоуна? В отчёте сказано, что он погиб...

Адам кивнул. — Я так думал. Мы все так думали. Но он каким-то чудом выжил и спасся от взрыва. Как — не имею ни малейшего понятия, но это точно он.

Илай, дожевывая пончик, подтвердил: — Безусловно, это Энигма. ФБР знало о его существовании уже много лет. Именно он убил тех агентов в 2013 году, но правду похоронили, отчасти чтобы обезопасить Акселя Стоуна после того, как личность Энигмы была подавлена. Синдикат, разумеется, тоже постарался замести следы.

Адам задумчиво кивнул. — Но теперь они существуют как два разных человека, два разных тела. Чёрт, не могу поверить, что он жив. Аксель будет вне себя...

— Интересно, — протянул Дизи. — Что ж, у Энигмы был и сообщник... — Он снова сменил изображение. На экране возник силуэт мужчины в чёрном плаще, запечатленный в профиль. — О нём мы не знаем ничего.

Адам нахмурился, пристально вглядываясь в фотографию. — Похож на моего брата Скейта, но старше. Лицо разглядеть трудно. Больше ничего не могу сказать.

Дизи глубоко вдохнул и с шумом выдохнул. — К несчастью, наш оперативник, сделавший эти снимки, доктор Гилберт Зан, тоже погиб во время столкновения.

— Что? — опешил Адам. — Что ты несёшь? — Он резко повернулся к Мерфи, взгляд его выражал немой вопрос: — Почему ты молчал об этом?

— Мне очень жаль, Адам, — произнес Дизи с искренним сожалением в голосе. — Я знаю, вы были близкими друзьями с доктором Заном. Как и я. Мгновения спустя после передачи последних кадров связь с ним оборвалась. Спутники умолкли, словно поражённые невидимой рукой. К месту назначения немедленно отправилась поисковая группа. То, что они обнаружили на дне морском, повергло в ужас: обломки титанового эндоскелета, разбросанные вблизи того места, где покоилось тело Леона Шивы, — безмолвное свидетельство трагедии.

— Есть хоть малейшая надежда его вернуть? — в голосе Адама звучала отчаянная мольба, почти приговор. — В конце концов, он — машина. Вы не раз возвращали его к жизни...

Дизи покачал головой, его взгляд был полон сочувствия. — В этот раз повреждения критические, Адам. Восстановление невозможно. Мне искренне жаль...

Адам откинулся на спинку кресла, подавленный горем. Эмоции нахлынули с неистовой силой.

Зан...

Много лет назад этот добрый гений был неотъемлемой частью "Огненного Шторма". Бесчисленное количество раз он спасал их жизни... Но где были они, когда он нуждался в помощи? Это была вторая смерть Зана, которую Адаму приходилось переживать, и осознание окончательности утраты оставило горький привкус во рту.

— Сейчас не время предаваться скорби, Адам, — твёрдо произнёс Дизи, отрывая его от гнетущих мыслей. — Нам нужно сосредоточиться на Энигме... По данным МИ-6, он представляет серьёзную угрозу международной безопасности.

"Не может быть", пронеслось в голове у Адама. Неужели Энигма всё ещё на свободе, скрывается где-то, причастный к гибели Зана и Шивы? Что-то зловещее плелось за кулисами.

— Нам понадобятся Аксель и Блейз, — продолжил Дизи.

— Они на пенсии, — сухо ответил Адам. — Они оставили прошлое позади, обрели покой и не горят желанием снова рисковать жизнью. У них дети, о которых нужно заботиться...

Дизи вздохнул, его лицо выражало сожаление. — Я понимаю, Адам. Но у меня прямой приказ от президента Нового мирового порядка. Боюсь, я вынужден настаивать...

2

Пустыня Сонора
Мексика

Дьявол взметнулся ввысь, закружился исступлённым вихрем, и Галсии почудилось, как сквозь песок прорывается шипящее проклятие, прежде чем он вновь рассыпался прахом. Всего лишь порыв ветра, взметнувшийся в танце пустынную пыль, но Галсии всегда казалось, что в раскалённых песках таится незримая жизнь, и каждый пыльный смерч — зловещее напоминание об этом.

Он пробормотал под нос сбивчивую молитву Пресвятой Богородице и вновь повернул к гигантской свалке, разросшейся неподалёку от Чиуауа. Под свинцовым, нависшим над землёй полуденным небом копошились более дюжины наёмных головорезов, таких же, как и он сам. Все они когда-то были членами Синдиката, как и Галсия, и наслаждались щедрыми дарами этой ныне канувшей в Лету преступной империи.

В эпоху расцвета Синдиката они торговали смертью, занимались вымогательством, обирали до нитки, — творили бесчинства во имя мистера Икс и Шивы.

Но теперь, спустя три года после крушения их некогда могущественной организации, они превратились в самых жалких нищих, роющихся в зловонной куче отходов, словно сборщики клубники, измождённые непосильным трудом на северных полях.

Обычно такие мусорщики, как Галсия, выскивали пригодную для продажи одежду, особенно обувь, драгоценные осколки меди, отработанные батарейки, которые можно было всучить доверчивым простакам под видом новых, бытовую технику, подлежащую ремонту или хотя бы выглядящую целой, и даже объедки.

Семьи. Дети, с лица которых не сходила грязь, копались в вонючей жиже бок о бок с крысами и воронами, а порой и с мрачными индюшачьими стервятниками. Ниносам порой становилось дурно от находок: ядовитые вещества из старых компьютеров, едкие химикаты, погребённые в горах мусора. Шприцы. Прогнившая еда. Опасная работа, но разве у них был выбор?

Однажды Галсия нашёл в истрёпанном кошельке немного денег, которых хватило бы на незабываемый вечер с "чидо кабальо", лучшим героином, что он когда-либо пробовал. Память о кошельке заставила его нагнуться и осторожно ощупать покорёженный пенопластовый холодильник. В прошлом месяце, открыв один из таких, он нарвался на разъярённый рой ос и неделю валялся в лихорадке, опухший от их жалящих игл. И всё же... Холодильник оказался пуст, если не считать нескольких бездыханных мух.

Галсия вздохнул. Сегодняшний день определённо отличался от остальных. Они были здесь не только ради куска хлеба. Нет, сегодня их нанял человек, представившийся Энигмой, и щедро заплатил за их труд. Человек, который хвастался, что несколько дней назад убил Шиву, и теперь одержимо искал древние религиозные артефакты, якобы обладающие сверхъестественной силой. Галсия не знал, зачем Энигме понадобились эти реликвии, и не собирался задавать лишних вопросов. Если и было что-то, что он усвоил за годы, проведённые в рядах головорезов Синдиката, так это то, что любопытство может убить.

Он снова вздохнул, и этот вздох прозвучал как похоронный звон по надеждам, погребённым под слоями гниющих отходов. Пока что его улов состоял лишь из пары теннисных туфель, покрытых изумрудной плесенью, обуви, с которой не выручишь и гроша. Свалка, этот апокалиптический пейзаж, была истоптана вдоль и поперёк. Он повернул голову на север, туда, где на песчаном бархане, словно каменный истукан, застыл Энигма, его безмолвный надзиратель.

Галсия содрогнулся, в памяти всплыл призрак героина. Нищета, словно ржа, разъедала его душу, лишая возможности утолить жажду. Когда-то Синдикат щедро одаривал его наркотическим дурманом, но после падения организации вождельный кайф превратился в мираж. Ломка давно миновала, оставив лишь вьезшую в сознание потребность. Освобождение от боли, забвение в наркотическом тумане, до тех пор, пока действие дозы не иссякнет, оставляя взамен лишь зияющую пустоту. Теперь он рылся в этих гниющих залежах, выскивая религиозные побрякушки, надеясь, что скудного заработка хватит на следующий, такой желанный и такой недостижимый укол.

Неужели нет выхода из этого проклятого круга? Он испробовал всё, что знал, с тех пор, как умерла мать, и отец, словно ненужную вещь, бросил

его здесь, неподалёку от этого зловонного места, когда ему едва исполнилось двенадцать. Сколько лет прошло? Двадцать? Он даже некоторое время продавал свое тело, прежде чем стать шестёркой Синдиката. Но быть игрушкой для похотливых взглядов, шлюхой для извращенцев – это было выше его сил. Он не мог, не хотел.

Выпрямившись, он взглянул на теннисные туфли, связанные шнурками и безвольно повисшие в его левой руке.

Беспользные, серые, изъеденные временем и гнилью. Они и на заплатки для его ковбойских сапог, собранных из лоскутов кожи и скрепленных кое-как липкой лентой, не годятся. Он с отвращением отбросил их в сторону, пробормотав под нос: «Ni tengo, ni peso...» ¹

– Ay, Galsia! Mi hijo. Que pedo ², – прозвучал хриплый голос Donovan, приземистого, облаченного в рваные тряпки старикашки, почти беззубого, с выцветшими глазами, скрытыми за темными очками. Сколько ему лет? Трудно сказать, его лысая голова и обветренная, покрасневшая от солнца кожа выдавали в нем скорее долгожителя свалки, нежели простого мусорщика. И ещё эта въевшаяся в одежду вонь клея – верный признак пагубной привычки. Может, он и был ненамного старше Галсии, но казался древним, как сама земля.

Просто сангвихуэла.

Пиявка.

– Я тебе не малыш, Donovan, и где та дурь, которую ты обещал мне, когда я отдал тебе радио? – бросил Галсия на испанском, в голосе прозвучала угроза.

– Скоро, скоро, мой мальчик! Эй, видишь вон ту старую церковь?

– Церковь? – Галсия прищурился, силясь разглядеть сквозь пелену пыли хоть что-то на южном горизонте. Лишь покосившийся крест, словно изломанный палец, царапал багровое небо, да и тот – в доброй четверти мили, если не дальше.

– Ничего, кроме дыры на месте церкви. – Голос Donovan прозвучал приглушенно. – Артефакт, который мы ищем, должен быть там. Если бы только добраться туда прежде, чем на него наткнется кто-нибудь другой... – Ветер донес до Галсии слова, полные жадного предвкушения.

Галсия был заинтригован, но червь сомнения уже точил его душу. – Почему ты рассказываешь об этом мне? Если ты уверен, что там что-то есть... – он приблизился к Donovan, понизив голос, чтобы остальным не услышать, – почему сам не пойдешь?

– О, потому что, как говорится, я перед тобой в долгу... – Donovan рассеянно взглянул в небеса, словно ища там ответ. Галсия нахмурился: когда это Donovan так пёлся о долгах? Этому должно быть другое объяснение. Donovan боялся этого места. Он был суеверен даже больше, чем Галсия.

– Боишься чего-то, Донован... ходят слухи, что это место проклято?

Донован пожал плечами с нарочитой небрежностью. – Говорят всякое. Но не я. Просто... я тебе как сын. Хочу поделиться...

– Боже правый! – Галсия скептически фыркнул, но резко махнул Доновану, кивнув в сторону церкви. – Пошли.

Он первым двинулся вперёд, продираясь сквозь хаотичное нагромождение мусора: перешагивая через ржавые остовы холодильников, обходя прогнившие диваны, отпихивая ворону, которая, нахохлившись, клевала что-то окровавленное, завернутое в туалетную бумагу. Галсии показалось, что он увидел крошечную ручку плода, сморщенную и синюю, торчащую из ткани, и он отвернулся, ускоряя шаг по направлению к церкви.

Дорога оказалась длиннее, чем казалось. К тому моменту, как двое скитальцев добрались до полуразрушенного здания, сумерки уже ступились, а с ними поднялся ледяной ветер, завывая в провалах стен, словно призрак былого величия.

От церкви осталась лишь жалкая скорлупа. Некоторые стены покосились, удерживая на себе отдельные участки проржавевшей крыши; другие обвалились, обнажая нутро, занесённое песком. Двери давно уже вынесли, оставив зияющие проемы, похожие на пустые глазницы. Внутри царил хаос: кучи мусора, хлама и отбросов. В какой-то момент церковь превратили в свалку. Кошунственно, не так ли? Но какое это имело теперь значение? Галсия подумал, что если Бог когда-либо и бывал в этой забытой Богом части Мексики, то он давным-давно покинул эти земли.

– Эй, тут столько барахла, хоть лопатой греби! – Что? – переспросил Галсия, рассматривая рухнувшие стены. Донован копался в куче разрозненной, истлевшей от дождей одежды. – О-о-о, как неприятно пахнет! Но, гляди, отличные шорты, почти без пятен...

Галсия прошел вглубь церкви, туда, где над нефом частично уцелела крыша, отбрасывая зловещую тень. Он замер, давая глазам привыкнуть к густому сумраку, царящему внутри. Пол, словно пасть чудовища, был завален хаотичным нагромождением хлама, щедро присыпанным песком. Большая часть этого мусора не представляла никакой ценности – это бросалось в глаза с первого взгляда. Полустгнивший сломанный крест, прислонённый к стене, наполовину утонул в зыбучих песках времени.

Но там, в глубине, что-то слабо мерцало, пойманное в узкий луч света. Возможно, это и был артефакт, за которым охотился Энигма...

Он сделал неуверенный шаг вперёд... и резко остановился, словно налетел на невидимую стену ледяного воздуха. В горле мгновенно пересохло, язык стал шершавым. Он нервно облизнул губы и позвал, стараясь сохранить спокойствие в голосе: – Донован, чего ты там застрял? Заходи, глянь!

– Да-да, сейчас. Тут... медь какая-то нашлась...

В голосе старика отчётливо слышались нотки оправдания. Доновану явно не хотелось переступить порог этого места. Что-то он слышал о нём, это было очевидно.

— Huevon! ³ — крикнул Галсия. — Carapacha Boun! ⁴ — В ответ — лишь гулкое эхо и шорох осыпающейся штукатурки. Галсия пожал плечами, пробормотав себе под нос: — Спасибо за помощь... — Он протиснулся внутрь того, что когда-то было церковью — казалось, сам воздух сопротивлялся ему, словно предостерегая от чего-то.

Сияющая штукавина. Где она? Он потерял её из виду. Под ногой раздался предательский хруст — ботинок на что-то наткнулся. Он высвободил ногу и нагнулся, чтобы рассмотреть находку. Под подошвой оказались истлевшие доски старого ящика. Казалось, кто-то совсем недавно выкопал его, но почему-то не решился заглянуть внутрь. Почему?

Он наклонился ещё ближе, и в ответ воздух вокруг него загудел, завибрировал — это был звук, подобный шелесту крыльев миллионов насекомых, грызущих дерево. В воображении возникла жуткая картина: жуки и личинки, обгладывающие человеческие кости в гробу, и этот мерзкий звук усиливался, превращаясь в пульсирующий, навязчивый скрежет, переходящий в гул, который то нарастал, то затихал..

Но этот звук нельзя было услышать ушами — он звучал прямо у него в голове.

Это страх, понял он внезапно. Донован своими рассказами пробудил в нём старые суеверия. Не обращай внимания, Галсия. В этом ящике что-то есть — возможно, именно то, что искала Энигма. Просто подумай о вознаграждении, о деньгах...

Отбросив наваждение страха, он нагнулся и откинул крышку ящика голыми руками. Там, на потемневшем бархате, лежал металлический артефакт в форме диска, тускло поблескивающий в лучах света, испещрённый сетью причудливых знаков, древних иероглифов, написанных на каком-то невыразимом, давно умершем языке.

ВРАТА В ИНОЙ МИР

— ¡Madre de Dios! ⁵ — вырвалось у Гарсии. Он наклонился, чтобы поднять предмет. В его руке он ощущался ледяным и весомым.

— ¡Usted lo encontró! ⁶ — лицо Донована озарилось победной улыбкой. — Ты нашёл его!

И без того перепуганный до полусмерти Гарсия едва не подскочил, когда вслед за Донованом в церковь вихрем ворвалась зловещая фигура Энигмы, а за ним — Антракс, его безжалостный приспешник.

— Я заберу это, — прошипел Энигма, не сводя немигающего взгляда с артефакта в дрожащей руке Гарсии. — И живо, у меня нет времени на любезности..

Гарсия, не раздумывая, шагнул вперёд, с готовностью протягивая вещицу. Энигма выхватил артефакт. Ухмылка исказила его лицо, когда он провёл пальцами по замысловатой резьбе. Его фиалковые глаза вспыхнули неземным огнём.

— Наконец-то! — провозгласил он. — Теперь мы присоединим его к семи фрагментам Шивы, и нам останется найти лишь последний осколок!

— Нам нужно немедленно уходить, — предостерег его Антракс. — «Красная Лампа» ждёт.

Энигма кивнул, и они направились обратно к зияющему пролому дверного проёма.

— Постойте! — закричал Донован. Его взгляд лихорадочно метнулся к Гарсии, затем снова к Энигме. — А как же обещанная прибавка, сеньор? За то, что я отыскал для вас артефакт?

— Прибавка? — Энигма приподнял бровь. — Ах, да, конечно..

Затем он осклабился, и на его лице отразилось торжество чистого зла.

— Антракс, награди этих людей по заслугам.

И, не проронив больше ни слова, он скрылся в ночи.

Антракс застыл в дверном проёме, выхватывая огромный «Дезерт Игл». Без малейшего колебания он навёл его на двух жалких мусорщиков.

— Пожалуйста, не надо! — взмолился Гарсия.

— Нет! — отчаянно выкрикнул Донован в унисон.

Бах! Бах!

Двух выстрелов было достаточно, по одному на каждого. Антракс издал презрительный смешок, наблюдая, как угасают их жизни, а затем развернулся, оставляя их тела на растерзание пустынным ветрам.

¹ Ни цента, ни песо...

² Ах, Галсия! Малыш мой! Ну и вонючка!

³ Трус!

⁴ Бесхребетный ублюдок!

⁵ Мать божья!

⁶ Ты нашёл его!

3 августа

Аксель Стоун проснулся на самой границе рассвета. Ещё томясь в объятиях полусна, убаюканный теплом спящей рядом Блейз, он зачарованно следил, как первые, робкие лучи калифорнийского солнца играют в складках кретоновых занавесок, расцветчивая комнату мягкими мазками света.

По золотистому разливу на ткани он понял – стрелки часов миновали пять. Совсем скоро этот свет разбудит их маленькую Дженнифер, и день потребует внимания, забот, движения.

Проснулся он с ощущением тихой, ускользающей радости, и не сразу осознал причину. Вчера ему исполнилось тридцать восемь лет, вчера был его день рождения...

Мысли ворочались медленно, словно сонные рыбки в аквариуме: сегодня, кажется, суббота, 3 августа. Лежа в постели, он ощутил лёгкий зуд солнечного ожога на спине – эхо вчерашнего дня на пляже Эрмоса, участия в безумной пляжной гонке.

Вечер завершился барбекю в кругу друзей, а потом Блейз подарила ему в спальне нечто особенное, опьяняющее и нежное, что помогло раствориться в блаженной неге сна. Воспоминание об этом вечере вызвало непроизвольную улыбку. Счастье, сотканное из любви и близости, окутывало его всю ночь, словно мягкий кокон.

Блейз шевельнулась рядом, вопросительно пробормотав о времени. Он взглянул на часы и ответил. Затем, наклонившись, осыпал её лицо короткими поцелуями, шепнув на ухо: – Спасибо за вчерашний вечер. Сегодня снова волшебное утро...

Она приподнялась на локте, откинув волну тёмных волос назад. Потянувшись, ощутила тепло его тела, прильнувшего к ней. Лёгкая, лукавая улыбка тронула её губы, когда она посмотрела на него, купающегося в лучах утреннего солнца.

– Не стоит меня благодарить, – ответила Блейз с придыханием. – Я получила настоящее удовольствие. Это было... идеально. Я так сильно люблю тебя, мой муж... – В глазах её плясали озорные искорки. Затем она нежно вздохнула и бросила взгляд на часы. 05:27.

В соседней детской кроватке послышалось шевеление, тихое чавканье и едва различимые хныкающие звуки. Аксель протянул руку и щёлкнул тумблером электрического чайника, стоявшего на небольшом подносе с чайными принадлежностями и баночками с детским питанием рядом с кроватью.

Блейз слегка нахмурилась. – Вчера я так обгорела на солнце, – проговорила она с досадой. – Вечером я намазала Дженнифер кремом с алоэ вера, но я не думаю, что ей стоит сегодня снова идти на пляж.

Он ободряюще кивнул. – Значит, останемся дома. Проведём день в тени деревьев, в прохладе.

– Наверное, это будет правильно.

Аксель поднялся с кровати и направился в ванную. Когда он вернулся, Блейз уже тоже встала; малышка, посаженная на горшок, сосредоточенно пыхтела, а Блейз, стоя перед зеркалом, расчёсывала свои длинные волосы. Он присел на край кровати в полосе горизонтального солнечного света и заварил чай.

Она мечтательно произнесла: — Было бы здорово, если бы наш сын для разнообразия приготовил нам завтрак в постель...

Он кивнул, улыбаясь её фантазии. Их сыну Максиму было всего восемь лет. — Да. Божь, он слишком поглощён своими тренировками по скейтбордингу или видеоиграми, чтобы думать о таких мелочах. — Он отхлебнул горячий чай и взглянул на часы. — Я схожу в магазин и куплю свежего молока, как только допью это. — Он натянул шорты и футболку и уже собирался допить чай и выйти, когда у кровати пронзительно зазвонил телефон.

Аксель снял трубку. — Алло?

Блейз нахмурилась, почувствовав тревогу. Кто мог звонить им в такой ранний час? Она вопросительно посмотрела на Акселя и одними губами беззвучно спросила: «Кто это?»

«Адам», прошептал он одними губами, словно выронил ледяной осколок. Лицо его окаменело. — Хм-м. Хм-м. Это какая-то чудовищная шутка, да? Ох, приятель... Господи, как же это плохо... Нет, нет, нет. Ладно, друг, мы срываемся из Лос-Анджелеса первым же рейсом. Да, до встречи. Пока.

Он опустил трубку, и комната наполнилась тяжёлым молчанием. Вздох Акселя прозвучал, как похоронный колокол, развеявший остатки тишины. Он смотрел в пустоту, судорожно собирая обрывки мыслей.

— Что, чёрт возьми, происходит? — в голосе Блейз звучала нарастающая тревога.

Аксель отрицательно покачал головой. — Случилось нечто ужасное, — пробормотал он, пытаясь облечь в слова кошмар, только что ворвавшийся в его жизнь.

— Что? — Радость, ещё мгновение назад искрившаяся в глазах Блейз, мгновенно погасла, сменившись ледящим душу предчувствием. Аксель открыл рот, но слова застряли в горле, словно осколки стекла. — Зан мёртв.

Блейз моргнула, ощущая, как в груди обрывается что-то важное. — Доктор Зан? Как?

Аксель нервно облизнул пересохшие губы. — Убит... четыре дня назад... Энигмой, недалеко от Ватикана. Энигма вернулся...

В глазах Блейз отразился ужас, стремительно расползающийся по венам. — Энигма? Но он же мёртв, разве нет?..

Аксель мрачно покачал головой. — Видимо, нет. Он убил и Шиву, который, похоже, пережил взрыв «Опустошителя Миров» три года назад. Теперь Энигма затевает что-то... чудовищное. Адаму нужна наша помощь.

Блейз нахмурилась, словно пытаюсь оттолкнуть от себя надвигающуюся тьму.
— Стой. Я не понимаю..

— Собирайся, — прервал её Аксель, его голос был стальным. — Я всё объясню по дороге в аэропорт. Нельзя терять ни минуты..

4

Миновав формальности таможенного контроля в вашингтонском международном аэропорту имени Даллеса, Аксель оформил прокат скромного электромобиля. Им предстояло преодолеть около пятидесяти километров, отделявших аэропорт Даллеса в штате Вирджиния от самого сердца Вашингтона, округа Колумбия. Служащий проката, с какой-то тихой грустью на лице, протянул ключи, ограничившись коротким пожеланием счастливого пути.

Блейз вздохнула, когда они, волоча за собой поклажу, направлялись к выходу из зала прибытия.

— Я уже скучаю по нашим малышам, Аксель. Напомни мне ещё раз, почему я согласилась на эту авантюру?

— Сомневаюсь, что у нас был выбор, — устало ответил Аксель. — Сам президент обратился к нам с этой просьбой, а такому человеку не отказывают. Наш прошлый опыт делает нас единственными, кто способен остановить Энигму. В любом случае, не стоит волноваться о детях. С Максом и Дженнифер всё будет в порядке. Моя сестра обожает возиться с ними и с радостью согласилась помочь.

Блейз лишь кивнула, хотя слова Акселя и не убавили тоски по детям.

Их прокатный Citroen C3 Picasso, выкрашенный в строгий чёрный цвет, ждал у входа в аэропорт. Аксель распахнул багажник и небрежно забросил сумки на заднее сиденье, а Блейз, утомлённо вздохнув, опустилась на пассажирское кресло. Аксель вернул тележку для багажа на место, устроился за рулём и, утонув в податливом сиденье, включил зажигание. Машина тронулась с места, тихонько взвывая шинами.

Блейз, прильнув к окну, провожала взглядом пелену аэропорта: самолёты, застывшие на взлётной полосе, бурлящую суету на земле. Вскинув голову, она проводила взглядом взлетающий лайнер United Airlines, будто он уносил с собой частицу её самой. Мгновение спустя они уже покинули территорию аэропорта и мчались по шоссе, уходящему вглубь округа Ферфакс.

Когда Аксель взглянул в зеркало заднего вида, его взгляд зацепился за приближающийся мотоцикл. Инстинктивно он прижал педаль тормоза. В наши дни эти блюстители скорости мерещились на каждом шагу. Но мотоцикл, словно тень, отступил, держась на одном уровне с его скоростью.

Закралось подозрение: за ним следят. Аксель решил сменить курс. Без предупреждения, он резко свернул с автострады на ближайшем съезде и устремился к Сентревиллю, прочь от бурлящего потока, покидающего

аэропорт. Выжав газ, он дерзко проскочил на красный свет, и снова заглянул в зеркало. Мотоцикл неотступно следовал за ним.

– Что происходит? – Блейз нахмурилась, чувствуя назревающую опасность.

– У нас гости, – процедил Аксель, раздражённый и одновременно взволнованный. Досадно, когда за ними так неумело следят, в то время, как они направлялись решать проблему, столь масштабную и опасную, как Энигма.

Перед следующим перекрёстком Аксель резко крутанул руль вправо. Поворот был рассчитан идеально, шины вгрызлись в асфальт. Бросив взгляд в зеркала, он почувствовал холодный озноб. Теперь их преследовали не один, а два мотоцикла – внушительные BMW – и ни одна машина не могла обогнать их. Мотоциклисты пригнулись, выкручивая рукоятки газа до упора. Рёв моторов разорвал тишину улицы.

– Кто эти типы? – простонала Блейз, предчувствуя беду.

В мгновение ока мотоциклы оказались по обе стороны от машины. Аксель понял, что шутки кончились.

– Блейз, пушка при тебе? – спросил он, стараясь сохранять спокойствие.

– Всегда, – ответила она. Но не успела она выхватить "беретту" из кобуры, как раздался оглушительный треск – пуля прошила стекло со стороны пассажира. В ответ, Блейз всадила в преследователей всю обойму.

Аксель ударил по тормозам, выжимая максимум. Торможение – единственное, в чем машина превосходила мотоцикл. Он успел заметить, как второй BMW вырвался вперёд.

Блейз, пригнувшись, перезарядила пистолет и, высунувшись в разбитое окно, снова открыла огонь из обеих рук. Один из мотоциклистов дёрнулся, получив пулю в плечо. Его мотоцикл, потеряв управление, рухнул на асфальт, разбрасывая искры.

Первый мотоциклист, поравнявшись с ними с противоположной стороны, приближался к концу улицы, где она упиралась в перекрёсток под прямым углом. Аксель прикинул, что они мчатся со скоростью не меньше восьмидесяти. Нужно было экстренно тормозить, если он хотел безопасно совершить этот манёвр.

Он заметил, как байкер приподнял левую руку, обнажая себя в мимолётном танце уязвимости – руль в одной руке, сцепление в подвешенном состоянии.

Аксель, не теряя ни мгновения, вдавил педаль тормоза до упора, резко вывернул руль вправо и дёрнул рычаг ручного тормоза. С воем раненого зверя, с запахом жёной резины, машина содрогнулась в судорогах, а затем, словно разъярённый бык, развернулась, обрушив всю свою ярость задним колесом в переднее колесо BMW. Аксель почувствовал короткий, но яростный миг столкновения, мотоцикл, подобно сломанной игрушке, врезался в него, а байкер, кувыркаясь, полетел вперёд, на перекрёсток. Падая на спину, он невольно выстрелил из пистолета, но пуля ушла в пустоту.

Аксель выдохнул, освободившись от напряжения, снова завел двигатель и медленно пополз на восток, в сторону спасительной автострады. – Что ж, это было... бодряще, – пробормотал он.

Блейз кивнула, возвращая оружие в кобуру. – Это лишь доказывает, что Энигма не остановится ни перед чем, чтобы уничтожить нас, раз мы вмешались.

Остаток пути до Вашингтона прошёл без приключений. Аксель съехал с автострады на тихую второстепенную дорогу, проехал пару минут и выехал на Пенсильвания-авеню. Проезжая мимо Белого дома, Аксель бросил взгляд на величественное здание, невольно вспоминая свой визит сюда во время инцидента с проектом У тринадцать лет назад. Вскоре они подъехали к зданию имени Эдгара Гувера, национальной штаб-квартире Федерального бюро расследований.

Они припарковались на главной парковке и вошли внутрь. Охранник, не задавая лишних вопросов, выдал им пропуска для посетителей, и, миновав металлоискатели, они оказались в объятиях Адама Хантера.

– Аксель, Блейз, – просиял он, улыбаясь. Он взял Блейз за руку и нежно поцеловал её в щёку, затем дружески похлопал Акселя по спине. – Рад видеть вас, друзья мои. Простите, что пришлось вытащить вас из солнечной Калифорнии, но выбора у меня не было.

Аксель кивнул. – Я тоже рад тебя видеть, Адам. Давненько не встречались.

Блейз одарила Адама улыбкой: – Рада видеть, Адам! Аксель говорил, Президент интересовался нашим скромным возвращением...

Адам нервно облизнул губы. – Да, ФБР, МИ-6, Интерпол – все подключены. Но никто не сможет заглянуть в извращённый разум Энигмы так, как это делаете вы, ребята. Особенно ты, Аксель. – Он махнул рукой, приглашая: – За мной.

Они шли по коридору, где царил лихорадочный суета: агенты с кипами документов, обрывки телефонных разговоров, напряжённые лица. Аксель на мгновение погрузился в воспоминания о своей работе в полиции Лос-Анджелеса. Иногда накатывала ностальгия по тем временам, по ощущению причастности к огромной, слаженной команде, по той волнующей энергии, что всегда бурлила вокруг.

– По дороге из аэропорта нас пытались отправить на тот свет, – буднично сообщил Аксель, когда они завернули за угол. – Почти преуспели. Но мы отбились.

– Неужели? – в голосе Адама прозвучало неподдельное удивление. – Кто это был?

Аксель покачал головой. – Понятия не имею. Но думаю, это связано с воскрешением Энигмы. Возможно, просто наёмники...

– Новости в этом мире распространяются со скоростью света, – заметил Адам.

– Да, порой даже слишком быстро, – прошипела Блейз.

– Вот цена цифровой эпохи, – вздохнул Адам. – Похоже, у Энигмы больше связей, чем я предполагал...

Они миновали три лестничных пролёта и оказались перед дверью, над которой трафаретными черными буквами было выведено: «МОРГ». Адам коснулся дверной ручки, помедлил, обернулся, и на его губах заиграла кривая усмешка. – Оцените зрелище, – бросил он через плечо.

Войдя в морг, Адам жестом остановил молоденькую санитарку, отправив её за разрешением на показ тела. Вскоре она вернулась в сопровождении патологоанатома ФБР, старого приятеля Адама – пожилого мужчины в золотых очках и с аккуратными, подстриженными усиками. Доктор Хоффман представился, пожав руки Акселю и Блейз.

– Рад знакомству, – произнёс он.

Сверяя номера на бирке с номерами на ящиках, Хоффман наконец отыскал нужный и обеими руками ухватился за толстую металлическую ручку.

Зрелище это Блейз Филдинг-Стоун запомнит надолго, и отголоски его странным возбуждением прокатятся по её венам. Леон Шива, уже тронутый печатью смерти, остывший и посеревший, лежал перед ними. Несмотря на старания санитаров, обезображенное лицо представляло собой кошмарную кашу из плоти и крови. Девяносто процентов черепа разлетелись на осколки, окружавшие то, что когда-то было челюстью и скулами. Шива походил на тысячи других жертв огнестрельного насилия, но всё же было в этом зрелище что-то необычное, болезненно-освежающее – видеть, как этот человек, не раз обманывавший смерть, теперь покоится в ледяных тисках трупного окоченения.

– Причина смерти? – спросил Аксель, нарушая тишину.

– Один выстрел в голову, произведённый с расстояния примерно пятидесяти футов, – ответил Хоффман. – Смерть, вероятно, наступила мгновенно. Второй выстрел пробил череп, раздробив его на части, но к тому моменту он уже был мёртв.

Блейз нахмурилась, склоняясь над телом и внимательно его осматривая. – Что это за другие огнестрельные ранения?

– Сначала он получил несколько ранений в грудь, – пояснил Хоффман, – повредивших лёгкие. Но этого оказалось недостаточно, чтобы его убить. Синяки на коленях говорят о том, что он упал, потеряв равновесие. Так что смертельный выстрел, вероятно, был произведён, когда он уже лежал на земле.

Аксель поморщился. – Довольно жестокий способ убийства.

Адам кивнул. – Энигма не церемонится, это точно. К несчастью для нашего доктора Зана, он тоже не брал пленных...

Блейз судорожно сглотнула. Потеря Зана всё ещё была свежа и болезненна. – Есть какие-нибудь идеи относительно мотивов убийства Шивы? – спросил Аксель, переводя взгляд на своего бывшего напарника, пытаясь увести разговор от трагической потери друга.

– Ну, как я уже говорил тебе по телефону, Шива путешествовал по миру, посещая различные религиозные места...

– Верно. Помню, мне это показалось странным.

– Наши эксперты изучают этот вопрос уже несколько дней. Мы выяснили, что все эти места потенциально могут быть местами захоронения древних артефактов, предположительно... "пропитанных" некой... "адской силой". Мы полагаем, что Энигма убил Шиву, чтобы завладеть собранными им артефактами и использовать их силу в своих целях.

– С какой целью? – спросила Блейз.

– Я не уверен, – ответил Адам. – Дизи, наш человек из МИ-6, сейчас главный эксперт в этом вопросе. Он возглавляет исследовательскую группу. Нам нужно поговорить с ним и прояснить ситуацию...

Дизи, вперив мрачный взгляд в лица собравшихся, проговорил:

– Всего существует девять артефактов. Они известны как «Казюс Инфернус». Судя по перемещениям Шивы за последние три года, мы полагаем, что он уже обнаружил семь из них. Сейчас поступают сведения, что люди Энигмы ведут раскопки в мексиканских песках, близ Чиуауа. Если допустить, что Шива искал там один из них, то в его распоряжении уже восемь фрагментов.

– Остаётся всего один, – тихо проронил Аксель.

Они находились в просторной комнате, одной из трёх, выделенных исключительно для этого расследования, где воздух, казалось, был пропитан напряжением.

– Что произойдёт, если он соберётся все девять фрагментов и соединит их? – с тревогой спросила Блейз. – Что вообще представляет собой этот «Казюс Инфернус»?

Дизи нервно облизнул пересохшие губы.

– Его можно интерпретировать по-разному, – начал он, понизив голос. – Предание гласит, что это легендарное устройство, упоминаемое в египетской Книге Мёртвых. Он действует как дверь – или скорее, ключ к двери – в иное измерение, иной план существования. Он создаёт «разлом», если хотите, открывает портал в чуждое царство, через который существа могут перемещаться в обе стороны. Древние египтяне верили, что обитатели той стороны – «одержимые фантастическим злом» – и поклонялись им, как богам.

Блейз устало выдохнула и покачала головой, словно пытаясь стряхнуть наваждение.

— Портал в ад? Звучит именно как то, что могло бы заинтересовать Шиву и Энигму, — пробормотала она.

Аксель мрачно кивнул.

— Зная, что движет Энигмой, могу сказать, что это определённо в их духе. Если он был готов убить Шиву ради обладания этой вещью, то мы можем смело предположить, что она существует и что угроза более чем реальна.

— Есть ли хоть какие-то зацепки, где искать последний фрагмент? — спросил Адам, нарушив гнетущую тишину.

— Как ни странно, да, — ответил Дизи. — Последний фрагмент известен как Скрижаль Пламени и, по преданию, захоронен в Египте. Точнее, в Долине Царей, в гробнице фараона по имени Сменхкаре.

Аксель глубоко вздохнул и задумчиво кивнул.

— Египет, значит? Там мне ещё не доводилось бывать.

— Что ж, скоро это изменится, — решительно произнёс Адам. — Нам нужно найти этот артефакт раньше, чем это сделает Энигма, и уничтожить его любыми средствами. А потом мы уничтожим и самого Энигму, и смоем, наконец, всю эту мерзость с лица земли...

— Согласна, — поддержала Блейз, в голосе которой звучала сталь. — Нужно покончить с этим раз и навсегда. Итак, когда мы отправляемся?

5

Каир, Египет
5 августа, 09:46

Вынырнув из плена горячих струй, Аксель не обнаружил Блейз в их роскошных апартаментах. Лишь на шёлковом покрывале огромной кровати покоилась записка, написанная её рукой: «Аксель, жду в баре "Изида". Твоя Блейз xxx».

Завернувшись в мягкое полотенце, он быстро облачился в элегантный костюм, словно рыцарь в доспехи, и направился на поиски своей королевы в бар на крыше. Там, у панорамного окна, она, словно статуэтка из слоновой кости, восседала на табурете, потягивая напиток с невинным видом, скрывавшим бурю страстей.

— О, вот и ты, Аксель, — промурлыкала она, одарив его лучезарной улыбкой. — Прости, не смогла дождаться — проклятая смена часовых поясов выматывает. Десять часов — это целая вечность, чтобы привыкнуть.

Аксель кивнул, пригладил влажные пряди, упавшие на лоб, и улыбнулся серьёзному выражению её лица.

— Я понимаю. Мне тоже не мешает дозаправка.

Он присоединился к ней у окна, заказав для неё свежий джин-тоник, себе литр «Виттеля» и бутылку местного пива. Перед ними раскинулась захватывающая панорама Каира: пальмы, словно изумрудные стрелы, роскошные курорты, сверкающие белые здания, и вдали – устремлённая в небо башня Алькахира, как символ величия и загадок древности. Жаль, что это не отпуск, промелькнуло в голове Акселя. Он бы не отказался сейчас от прохлады общего бассейна. Может быть, в другой жизни.

Блейз, грациозно скрестив ноги, повернулась к Акселю.

— Адам говорил, во сколько мы отправляемся в Долину царей?

Аксель кивнул, отхлебывая пиво.

— Если всё пойдёт по плану, то ближе к полудню. У нас есть пара часов, чтобы как-то убить время...

Адам Хантер и Дизи Куджаку покинули отель на рассвете не только в поисках подходящего транспорта для сафари по пустыне, но и чтобы получить заветное разрешение от египетских властей на проведение раскопок. Большинство гробниц в Долине царей закрыты для обычных туристов, но в их случае, благодаря интересам международной безопасности, могли сделать исключение. Также необходимо было полностью изолировать территорию от посторонних глаз на случай неизбежного насилия, словно предчувствуя надвигающуюся бурю.

Блейз осушила свой бокал и встала со стула.

— Нам нужен завтрак, — произнесла она, словно пророчество. — У меня такое чувство, что день будет долгим...

— Отличная идея, — согласился Аксель. Он расплатился по счету, и они вышли на залитую солнцем улицу, где он моментально надел тёмные очки. Даже в это раннее утро каирское солнце палило немилосердно, словно в полдень в Калифорнии, и им предстоял долгий путь в самое сердце древних тайн.

Блейз, склонившись над туристическими буклетами, казалась воплощением сосредоточенности. Аксель, терпеливо ожидая, не отрывал взгляда от её точеной фигуры, подсвеченной пляшущими солнечными зайчиками на каменном полу. В каждом движении, в каждой задумчивой складке на лбу читалось искреннее восхищение местной культурой. Наконец, словно приняв важное решение, она взяла его за руку.

— Отвезёшь меня в Ливорно? — спросила она, и в голосе звучала надежда. — Это совсем рядом, минут пять езды. Хочу прогуляться вдоль реки.

Ресторан оказался тихой гаванью на длинной террасе, нависшей над Нилом. Лишь узкая тропинка отделяла столики от воды, шепчущей свои вечные истории. Официант, не сводивший глаз с Блейз, с учтивой галантностью проводил их к столику с видом на реку и мерцающий огнями левый берег.

Пока они изучали меню, словно древние свитки, официант бесшумно поставил на стол бутылку искрящегося шампанского, блюдо с оливками и корзинку с ароматным хлебом и маслом. Аксель, с лёгким щелчком пробки, наполнил два бокала. Первый глоток, словно ледяной поцелуй, прошёлся по пересохшему горлу, заставляя забыть о жаре дня.

— Боюсь, я опьянею ещё до обеда, если не буду осторожен, — пошутил он, стараясь скрыть волнение.

Блейз тихонько рассмеялась, изящным жестом намазала хлеб маслом и откусила кусочек.

Когда вернулся официант, Аксель заказал острое блюдо из баранины, дразнящее воображение, а Блейз — фирменные моллюски, источающие аромат моря. Официант склонился в поклоне и исчез, растворившись в полумраке.

— Как ты относишься к Энигме после стольких лет? — внезапно спросила Блейз, отпивая шампанское. Ее тёмно-карие глаза, словно два глубоких омута, встретились с его взглядом.

Аксель вздохнул, чувствуя, как тени прошлого вновь стущаются вокруг него.

— Если честно, я не знаю, — признался он. — Я был уверен, что Энигма погиб вместе с «Опустошителем Миров» три года назад...

— Мы все так думали.

— И я не обрадовался, когда узнал, что он выжил... До сих пор жутковато осознавать, что где-то там, в мире, бродит твоё настоящее тело... то, которое родила твоя мать... живёт своей жизнью, совершенно независимо от тебя. Иногда это кажется невыносимо жутким.

— Я могу только представить, — сочувственно проговорила Блейз.

Аксель внимательно посмотрел на неё.

— Впрочем, у тебя, наверное, больше понимания, чем у большинства людей, насчет клонирования homo superior.

Она молча кивнула, сделав большой глоток шампанского, словно пытаясь заглушить воспоминания.

— Верно. С этим тоже было непросто справиться. Трудно поверить, что с тех пор прошло целых двенадцать лет...

В этот момент появился официант с их заказом. Ароматные блюда заполнили пространство, пробуждая аппетит. Аксель, не осознавая, насколько он голоден, жадно набросился на еду, решив хоть немного развеять хмель.

— Должен признать, — проговорил Аксель, отложив вилку, — несмотря на всю боль и хаос, которые принёс Энигма, я в некотором роде рад, что мы больше не сражаемся с Синдикатом. Приятно работать с другой целью, ради разнообразия.

Блейз кивнула, глазами подтверждая слова Акселя. — Я понимаю, о чём ты. Больше дюжины лет мы сражались с Синдикатом, и это стало.. призванием, если хочешь. А моя жизнь и вовсе была пропитана тлетворным влиянием этой организации. И мне кажется, Аксель, что Энигма в том виде, в каком он сейчас существует, — их последнее отчаянное творение.

Голос Блейз окреп. — Уничтожение Энигмы станет последним гвоздём в крышку гроба Синдиката. Это будет не просто разгром организации, но и окончательное поражение той гнилой идеи, которую они пытались навязать миру. Прости, если звучит пафосно.. возможно, вино немного ударило в голову.

Аксель покачал головой. — Ничуть. В этом есть смысл.

Когда они закончили ужин, официант бесшумно убрал посуду и вернулся с подносом, на котором красовались пирамидки свежих ананасов, воздушные сливки и обжигающий тёмный эспрессо.

— Кофе просто божественный, — произнесла Блейз, чувствуя, как отступает пелена усталости от смены часовых поясов. — Отлично прочищает голову.

Аксель оставил щедрые чаевые, и они вернулись в отель, где в холле их уже ждали Адам и Дизи.

— Всё готово, — сообщил им Адам с довольной улыбкой. — Вылетаем, как только будете готовы. Путешествуем с комфортом!

Частный аэродром расположился на северной окраине Каира, прямо за величественным плато Гиза. Короткая поездка заняла не более пятнадцати минут, и, выйдя из машины, Аксель сразу понял, что имел в виду Адам. Прямо перед ними, на фоне песков, возвышался внушительный силуэт классического советского двухмоторного вертолёта Ми-8 «Хип». Пятилопастной несущий винт и вместимость до тридцати шести пассажиров — машина впечатляла.

Солнце палило нещадно, приближаясь к зениту. Раскалённый воздух дрожал, а медленно вращающиеся лопасти уже взбивали песок в миниатюрные смерчи, когда они поднимались по трапу. Внутри вертолёта их ждали еще десять человек: Дизи, агенты МИ-6, прошедшие специальную подготовку для борьбы с такими угрозами, как Энигма. Все они были одеты в неприметные футболки, армейские брюки и тяжёлые разгрузочные пояса с боеприпасами. Громыкнул закрывающийся грузовой люк, винты взревели, набирая обороты, и вертолёт, без видимых усилий оторвавшись от земли, накренился влево и с оглушительным рёвом понёсся над бескрайней пустыней. Они летели на юго-восток, следуя извилистому течению Нила, стремительно преодолевая сотни миль раскалённой земли.

Путешествие, длившееся почти два часа, завершилось под гнётом невыносимой жары. Вертолёт, словно подбитая птица, опустился на выжженную солнцем окраину Фиванского некрополя, рядом с приземистым караван-сараям – последним оплотом живительной влаги Нила. Они спешно покинули душное нутро вертолёта и, наскоро перекусив под палящим солнцем, узнали, что оставшийся путь им предстоит проделать верхом на верблюдах.

В караван-сараяе томилось около двух десятков горбатых кораблей пустыни – более чем достаточно для их небольшой экспедиции. Местные бедуины, словно древние проводники, указали им путь через зыбучие пески к Долине царей, отметив редкие оазисы с живительной влагой.

И вот, когда приготовления были завершены, они, неуклюже взобравшись на верблюдов, натянули грубые пеньковые поводья и тронулись в путь. Караван медленно потянулся по холмистым дюнам, где на многие лиги вокруг не было ни единого признака человеческого жилья. Верблюды, словно тени, скользили друг за другом, упрямо преодолевая каждый километр. Раскалённый ветер пустыни швырял в лицо колючий песок, а жара, казалось, плавил сама мысли.

Через какое-то время они спустились в долину, зажатую между двумя громадами осадочных пород, где когда-то протекала древняя река. Аксель, наконец, увидел то самое место, которое представлял себе в прохладной тени отеля – огромное, древнее и внушающее благоговейный ужас кладбище. Оно раскинулось, словно небольшой город мёртвых, вмещая в себя более семидесяти гробниц – от простых ям в песке до запутанных лабиринтов с сотней и более помещений.

В самом сердце долины пролетала древняя дорога – широкий лестничный пролёт, гордо вздымавшийся над вечными песками и рассекавший безмолвные гробницы. По обеим сторонам дороги тянулись каменные перила, образуя жутковатый, но удобный проход сквозь этот мёртвый город, спроектированный давно ушедшими архитекторами.

Аксель почувствовал необъяснимое беспокойство, словно сама долина давила на него, вызывая приступы клаустрофобии, от которой не было спасения.

– Боже всемогущий... – прошептала Блейз, нервно поёжившись. – У меня от этого места мурашки по коже.

Зной, словно беспощадный палач, выжимал из путников саму жизнь. Они, изнемогая, достигли жалкого подобия оазиса – грубо сколоченного источника, любовно оберегаемого местными. С облегчением спешившись, они позволили иссохшим верблюдам жадно припасть к воде. Дизи, укрывшись в тени скудного навеса, достал пожелтевшую карту долины и, словно шаман, принялся водить по ней иссохшим пальцем, тихо бормоча заклинания координат.

Адам, чьи губы потрескались от жажды, сорвал с головы платок и жадно вдохнул обжигающий воздух пустыни, словно вдыхая саму смерть. – Эта печь невыносима, – прохрипел он, – Я думал, что Мохаве – предел. И эти проклятые верблюды... вонь, как от преисподней...

Блейз, сделав крошечный глоток мутной, теплой воды из фляги, с тревогой оглядела заброшенные могилы, примостившиеся на каменистом склоне холма. Она протянула флягу Адаму: – Пей. И перестань ныть. Это ещё не конец.

Аксель, вглядываясь в исчерченное морщинами лицо Дизи, силился понять, куда им держать путь дальше. Дизи, наконец, ткнул пальцем в еле заметный крестик, нанесённый на карту дрожащей рукой, и указал на юг, вглубь раскалённой долины.

– Туда, – проскрипел он. – Гробница Сменхкаре. Она за следующим барханом.. если, конечно, ещё существует.

И группа, ведомая призрачной надеждой, вновь двинулась в путь.

Аксель крепко сжал ладонь Блейз, словно боясь ее потерять в мареве зноя. В его душе теплилась лишь одна, робкая молитва: чтобы Энигма не добрался до сокровищ фараона первым.

6

Вход в скромную усыпальницу Сменхкаре зиял в самом сердце долины, словно безмолвный укор, прямо напротив исполинского мавзолея Рамсеса II. Двадцать шесть ступеней, высеченных в скале и укрытых нависшим каменным козырьком, вели к чёрному зеву гробницы.

Вход преграждали грубые известняковые блоки, скреплённые древним цементом и покрытые потрескавшейся штукатуркой. На них тускло алела печать Царского некрополя: шакалоголовый Анубис, страж вечности, вззирающий на девять поверженных пленников.

Волна волнения, подгоняемая зноем пустыни и смутным предчувствием, охватила Блейз, когда они начали восхождение. Что таится во тьме, за этими вратами?

– Усыпальница была обнаружена ещё в 1907 году, – проговорил Дизи, включая фонарь и направляя луч вглубь. Наклонный коридор, уходящий в чрево скалы, был завален обломками. – Если артефакт здесь, он надёжно укрыт в тайной комнате, затерянной во времени.

После нескольких десятков метров они оказались в просторном помещении, некогда служившем, вероятно, главной погребальной камерой.

– Какая мерзость, – пробормотала Блейз, нахмутив брови. – Это место видело лучшие времена..

Оштукатуренные стены, лишённые каких-либо украшений, зияли трещинами. Щебень, просыпавшийся из коридора, укрыл пол, а со стен осыпалась вековая штукатурка. В дальнем конце комнаты корячились строительные леса, поддерживая осыпающийся потолок, с которого то и дело с грохотом обрушивались камни. У южной стены покоился изуродованный каменный саркофаг – пустой, с приоткрытой крышкой и зияющим проломом в основании.

В юго-восточном углу уныло стояли два полуистлевших ящика, чьё содержимое давно стало добычей алчных грабителей.

— Ну что, друзья, — произнес Дизи, стирая пот со лба, — приступим к работе. Осматривайте стены на предмет любых признаков потайных комнат: трещин, углублений, всего, что может выдать скрытую дверь.

Команда из десяти оперативников МИ-6 принялась за дело, действуя как отлаженный механизм. Блейз с благодарностью отметила, что с таким подкреплением задача будет выполнена гораздо быстрее, чем если бы они вчетвером рылись в этом склепе.

Вместе с Акселем и Адамом Блейз подошла к восточной стене. Приложив руки к холодной, шершавой поверхности, она начала осторожно ощупывать трёхтысячелетнюю кладку, в надежде уловить малейшую неровность, намекающую на существование потайного входа.

— Я не археолог, — пробормотала она, — это займёт целую вечность...

Адам глубоко вдохнул. Воздух был пропитан вековой пылью и тошнотворным запахом тления. Он поморщился, мечтая о прохладном, стерильном офисе, кондиционере и ледяном американском пиве. И, может быть, о хрустящей картошке фри и куске кислого яблочного пирога.

— Что ж, похоже, мы опередили врага, — проговорил он, тыльной стороной ладони стирая со лба липкий пот. — Ни единого намёка на то, что Энигма здесь уже побывал... пока.

Аксель молча кивнул, и в глубине души червь сомнения грыз его изнутри. Ощущение надвигающейся угрозы, словно Энигма вот-вот вынырнет из небытия, преследовало его. Он невольно ловил себя на том, что взгляд вновь и вновь скользит по заваленному обломками коридору, ведущему обратно в раскалённую пустыню.

Паранойя? Возможно. Но у него были все основания для беспокойства. Пока что его зловещий двойник не подавал признаков жизни.

Всего через несколько минут пронзительный свист одного из агентов МИ-6, разорвав тишину, заставил их вздрогнуть. — Сюда! Я кое-что нашёл! — прогремел его голос.

Взволнованная группа, оставив свои занятия, мгновенно окружила Кэмерона — невысокого темноволосого мужчину лет тридцати пяти. Он стоял, слегка выгнув спину, и, прижавшись ухом к древней каменной кладке, напряжённо вслушивался.

— Что там? — прохрипел Дизи, вглядываясь в полумрак.

— Послушайте, — ответил Кэмерон. Он постучал костяшками пальцев по стене чуть правее. В ответ раздался глухой, приглушённый звук. Затем он повторил удар, но на этот раз чуть левее — звук отозвался гулким эхом, глубоким и полным предчувствий.

– Там что-то есть, – прошептал Блейз, словно боясь нарушить сакральную тишину.

Дизи жадно облизнул пересохшие губы. – Возможно, это оно. Отличная работа, Кэм! Теперь нам придется взломать эту стену, чтобы убедиться, что мы на верном пути. – Он потянулся за одной из кувалд, предусмотрительно захваченных с собой, и ощутил её увесистость в правой руке.

Аксель поморщился, перехватывая кувалду. Он с грустью посмотрел на стену, простоявшую нетронутой три тысячелетия. – Это похоже на святотатство, – тихо произнёс он, в его голосе звучало искреннее сожаление. – Трудно поверить, что нам позволено это делать...

Дизи поджал губы, стараясь не проявлять излишней сентиментальности. – В интересах мировой безопасности у нас нет другого выбора. К тому же, мумия Сменхкаре покоится в Каирском музее уже больше ста лет. Он вряд ли будет возражать, если мы быстренько заглянем к нему в гости...

Потребовалось почти двадцать долгих минут, чтобы сокрушить древнюю стену. Когда пролом стал достаточно широк, чтобы пропустить человека, Дизи замер, поражённый открывшейся перспективой.

– Дамы и господа, – торжественно произнес он, – мы первые, кто переступит порог этого зала за три тысячелетия. Это момент, исполненный священного трепета...

Он шагнул вперёд, и Адам последовал за ним тенью.

Факелы взметнули в воздух столбы пыли, потревоженной падением камней. Блейз, прищурившись, чтобы пробиться сквозь завесу времени и праха, двинулась вперёд, за ней Аксель, Кэмерон и ещё семеро. Агенты МИ-6, Барнс и Джонсон, остались в главном зале, прикрывая их тыл.

Когда пыль осела, перед Блейз предстала огромная прямоугольная комната, чуть меньшая, чем предыдущая, но неизмеримо более ценная. Стены, от пола до потолка, были испещрены иероглифами, такими чёткими и свежими, словно их высекли лишь вчера. Повсюду были разбросаны диковинные золотые артефакты: вазы, блюда, каноны на изящных подставках. Обломки мебели, серебряная голова гуся, диски-покровы из позолоченной меди и величественная статуя Гора, бога солнца с головой сокола, высеченная из монолитного пьедестала. Деревянные изделия, хотя и пострадавшие от времени и, по-видимому, от влаги, встречались в изобилии.

Сырость оставила свой отпечаток и на фаянсовых изделиях, изменив их цвет. В дальнем конце зала возвышалось святилище, вырезанное из чистого золота и усыпанное драгоценными камнями. Под панелями виднелись оттиски печатей. А на самом верху святилища покоилась небольшая табличка из полированного чёрного гранита, исписанная иероглифами. Она была размером примерно шесть дюймов с каждой стороны – древнеегипетский эквивалент витрины для драгоценных реликвий.

– Скрижаль Пламени! – прошептал Дизи, в голосе которого звучало благоговейное изумление. – Значит, она действительно существует!

На мгновение он почувствовал непреодолимое влечение к этому артефакту, словно между ними установилась незримая связь. Его исследования открыли ему, как древние египтяне, как народ, вложили всю свою сущность в Каэус Инфернус, как они сознательно создали ключ, способный потрясти самые основы реальности, чтобы достичь царства богов; что здесь заключена частица мистического мира. Устройство, чьи свойства современная наука могла лишь смутно осознать.

Он бережно коснулся маленькой чёрной таблетки, словно это была реликвия. Лёгкая и прохладная на ощупь, она, казалось, таила в себе нечто непостижимо тяжёлое.

– Ничего особенного на вид, – пробормотал Блейз, разглядывая её. – Ты уверен, что это оно?

Дизи неуверенно кивнул.

– Я... почти уверен, что она должна быть ...

Внезапно зал прорезала оглушительная трель выстрелов. Эхо разнеслось по всему помещению, а вслед за ним раздался жуткий, захлёбывающийся крик агента Барнса.

Кэмерон и семеро его товарищей, как один, выхватили оружие и ринулись к пролому в стене, на помощь своим. Из-за угла донеслись новые выстрелы и отчаянные крики.

– Чёрт! – рывкнул Аксель. Он бросился следом за ними, и как только он заглянул в дверной проём, его худшие опасения подтвердились. Там стоял Энигма, с пистолетом в руке, и метался по комнате, словно одержимый. Он обрушивал на агентов МИ-6 град ударов руками, ногами и пуль, с бешеной скоростью и свирепостью разъярённого льва. Он был невероятно быстр! Быстрее, чем Аксель когда-либо видел. В мгновение ока Энигма уничтожил всю команду из десяти агентов и теперь стоял в полумраке, с довольной, наигранно-кровавадной усмешкой, демонстративно слизывая кровь со своих пальцев.

– Так, так, так, – протянул Энигма. – Неужели это Аксель Стоун пожаловал? У меня с тобой старые счёты, дружок.

Аксель испепелил его взглядом, напрягая каждый мускул.

– Взаимно.

Из дыры в стене показались Адам, Дизи и Блейз. Дизи держал Скрижаль Пламени обеими руками, словно новорождённого, и при виде окровавленных тел, усеявших пол, издал полный ужаса вздох, едва не выронив артефакт из рук.

– Благодарю, что вернули мне мой артефакт, – пропел Энигма, светясь от восторга. – Вы избавили меня от лишней работы.

Адам презрительно рассмеялся.

— Твой артефакт? С чего ты взял, что мы просто так тебе его отдадим?

Он сделал шаг вперёд.

— Мы проделали полмира ради этого...

Энигма усмехнулся, и в этой усмешке скользнула змеиная уверенность.

— Все козыри у меня на руках, Адам, — промурлыкал он, чуть склонив голову набок. — Антракс! Ко мне!

Из зияющего коридора, словно выплюнутого внутренностями разрушенного здания, возникла тень в капюшоне.

Адам и Дизи смутно припомнили его из размытых кадров, добытых Заном в Италии, но тогда лицо оставалось скрытым. Когда мужчина откинул капюшон, явив миру свои черты, Адам Хантер издал сдавленный стон, отказываясь верить своим глазам.

Антракс... тридцать два года, кожа цвета обожжённой земли, глаза — два бездонных колодца, хранящих память о прожитых трагедиях. Лицо — карта из шрамов, багровых отметин недавних ранений. Сомнений быть не могло, но как... как это было возможно?

— Нет... — прошептал Адам, слова застряли в горле. — Этого не может быть... ты... ты же умер девять лет назад!

— Невозможно, — пробормотал Аксель, нахмурившись. В мгновение ока ярость схлынула, обнажив калейдоскоп чувств: растерянность, страх, печаль, запоздалое раскаяние, робкую надежду... Колени подкосились, и он уже не был готов к бою, ещё минуту назад казавшемуся неизбежным.

Блейз отшатнулась, её лицо стало белым, как полотно, словно перед ней возник призрак.

Призрак из пепла прошлого Огненного Шторма...

— Что... что здесь происходит? — пролепетала она, в голове — хаос. — Это нереально!

Антракс шагнул вперёд, в ослепительный свет фонарей, и раскинул руки в приветственном жесте.

— Блейз, неужели так встречают старых друзей после стольких лет разлуки? — в голосе звучала едва уловимая насмешка.

Затем он повернулся к Адаму, который, казалось, окаменел, лишившись дара речи.

— А ты, Адам, — продолжил Антракс, — я думал, ты будешь рад меня видеть.

Адам с трудом сглотнул пересохшим горлом. Антракс вскинул брови, и на его губах расцвела игривая, хитрая улыбка.

— В конце концов, я твой младший брат..

7

— Скейт!

Сердце Адама Хантера словно вырвали из груди, бросили на мостовую и растоптали грязными сапогами, оставив лишь кровавое месиво боли. Перед ним стоял Эдди, его младший брат, которого он оплакивал девять долгих лет, брат, чью могилу он посещал так часто, — живой, невредимый и.. работающий на Энигму.

— Меня больше не зовут Скейт, — бросил тот, раздражённый старым прозвищем. — Теперь я — Антракс.

Адам моргнул, словно очнулся от кошмара. — Какой ещё, к чёрту, "Антракс"? Когда ты был маленьким, мама звала тебя Сэмми. Но как бы ты себя ни называл, ты — Эдди Хантер..

Антракс презрительно фыркнул. — Эдди Хантер? Ха! Может быть, давным-давно. Этот Эдди Хантер сдох девять лет назад, как жалкий щенок. Нет, теперь есть только Антракс, и не пытайся меня переубедить.

Блейз нахмурилась, её взгляд был полон смятения. — Но ты.. ты действительно умер. Я видела это своими глазами. Мистер Икс выпустил в тебя всю обойму из своего автомата. Я видела, как пули рвали твою плоть. Я видела, как ты лежал там, мёртвый, с остекленевшим взглядом.. Ты не мог выжить. Мы похоронили тебя, всё как полагается, шесть футов под землёй..

Антракс осклабился, и в этой ухмылке не было ничего человеческого. — Ты права, Блейз. Я был мёртв. Раны были настоящими. Но неужели тебя ничему не научил опыт общения с Синдикатом?..

Аксель устало вздохнул, предчувствуя неприятный ответ. — Что они с тобой сделали? — спросил он, стараясь сохранить спокойствие.

— Моё тело экстумировали через несколько месяцев после похорон, — объяснил Антракс, словно рассказывал о чём-то совершенно обыденном. — Передали Онихиме и Яше, ведущим генетикам Синдиката. Извращенкам, ответственным за проекты HS и HU. Они вернули меня к жизни.

— Но зачем? — Слёзы навернулись на глаза Адама, он моргнул, пытаясь подавить бушующие внутри эмоции. — Зачем им это было нужно?

Антракс холодно посмотрел на него. — А почему бы и нет? Поставь себя на их место. К тому моменту Firestorm четырежды обвёл Синдикат вокруг пальца, разрушив сорокалетний генеральный план мистера Икс. Чтобы спасти организацию от полного краха, они отчаянно пытались избавиться от вас как

можно скорее, чтобы вы не смогли снова разрушить их планы. Они хотели получить от меня информацию.

Блейз процедила сквозь зубы: – С каких пор ты продался Синдикату, Скейт?

Антракс пожал плечами, в этом жесте читалось ледяное равнодушие. – Я же говорил, Скейта больше нет. Онихиме и Яша выковали из меня другого человека, с новыми целями и... желаниями. К их великому разочарованию, я не горел желанием участвовать в их бессмысленной возне. А когда власть захватил Шива и создал свой «Опустошитель Миров», я уже давно зарылся в нору, подальше от всего этого дерьма.

– И что же вытащило тебя обратно на свет божий? – спросил Аксель, в его голосе сквозило недоверие.

Антракс издал короткий, зловещий смешок. – Ирония судьбы, Аксель. Когда вы разнесли его хваленый «Опустошитель Миров» в клочья, спасательная капсула Шивы упала прямо на лёд, неподалёку от моей берлоги на Аляске. И, представь себе, я решил его спасти.

Аксель нахмурился и бросил испытующий взгляд на Энигму. – Полагаю, ты тоже оказался поблизости от этой спасательной капсулы.

На лице Энигмы расцвела зловещая ухмылка. – Безусловно. И я вынашивал план мести, долгий, тщательный план. Не только за то унижение, что ты мне причинил, Аксель. Я жаждал возмездия и Шиве, этому вечному неудачнику. Он десятилетиями просиживал штаны в Синдикате, и всё, чего добился, – пары громких, но абсолютно бесполезных акций. Синдикат развалился, превратился в прах. Он стал таким же бесполезным, как и те идиоты, что им управляли. Шива заслужил свою смерть. А когда он начал охоту за фрагментами Каэус Инфернус, он, дурак, нанял меня себе в помощь. Он и понятия не имел, что мы с Антраксом с самого начала планировали его прикончить. Теперь, когда его больше нет, мы собираемся сделать всё как надо...

Адам смотрел на Антракса с мольбой в глазах. – Ещё не поздно, брат, – проговорил он, вкладывая в каждое слово надежду. – Ты можешь вернуться... Мы твои друзья, твоя семья...

Антракс с отвращением сплюнул на пол. – У меня нет семьи, ты, жалкий слабак. Неужели до тебя так и не дошло? Теперь я – Антракс!

Блейз с трудом сглотнула. Атмосфера в комнате накалилась до предела, её аура забурлила внутри неё, словно сдерживаемая буря, готовая вот-вот вырваться на свободу. – Что ты собираешься делать с этим Каэус Инфернус? – спросила она, поворачиваясь к Энигме.

Энигма издал тихий, самодовольный смешок. – Я открою врата ада, – провозгласил он. – Одним махом достигну того, чего Синдикат не мог добиться целых сорок лет.

Дизи, всё ещё прижимавший к груди Скрижаль Пламени, неуверенно откашлялся. – И каким образом открытие портала в какое-то там измерение поможет тебе захватить власть над миром?

Энигма разразился низким, утробным хохотом, от которого кровь стыла в жилах. — Я не собираюсь захватывать власть над миром, — прошипел он. — И не собираюсь становиться богом. Я просто намерен уничтожить этот мир и всех, кто в нём живёт, выпустив на волю силы Нексуса, злобной сущности, обитающей в Тёмном Царстве.

— Какого чёрта ты несёшь? — выдохнула Блейз, не в силах постичь глубину его безумия. — Да ты хоть слышишь себя? Это же бред! — Её аура клубилась вокруг неё, окутывая её, готовя к грядущей битве.

— Бред? — Энигма расхохотался, и этот смех, словно осколок льда, заморозил воздух. Вмиг посерьёзнев, он приблизился к Блейз, нависая над ней, словно хищная птица. Тяжёлое дыхание обжигало кожу.

— Взгляни на нас, Блейз. Просто взгляни... Антракс — не просто зомби, а злобный дух, вырванный из небытия в стерильных стенах лаборатории. А я... я — тёмное отражение Акселя, воплощённые в плоть и кровь его запретные мысли. Нами движут силы, непостижимые для таких смертных, как ты.

— Неприятно признавать, но я и сама — лишь плод генетических манипуляций, — отгрызнулась Блейз. — Мое семью вырезали, когда я была ещё ребёнком, а Синдикат превратил меня в оружие, homo superior, наштамповав армию клонов из моей ДНК. Так что не стоит мне рассказывать, что твоя "особенность" оправдывает твои злодеяния.

Энигма скривился в подобии улыбки.

— О, я прекрасно осведомлён о твоём трагическом прошлом, Блейз. Знаешь ли, в моей голове хранится вся память Акселя, — он постучал пальцем по виску. — Я лишь хочу сказать, что, несмотря на все эксперименты Синдиката, внутри тебя всё ещё горит искра человечности... ты по-прежнему та Блейз, что родилась на Исла-дель-Коко, среди дикой природы Галапагосов. Этого у тебя не отнять. А мы... — он обвёл взглядом себя и оцепеневшего Акселя, — мы — лишь тени. Нас нет в официальных списках, для нас нет места под солнцем. Мы — призраки.

— Это не оправдывает твоё стремление уничтожить мир! — взревела Блейз.

— Довольно словоблудия! — Энигма презрительно фыркнул. — Я не собираюсь оправдываться перед тобой. — Он перевёл ледяной взгляд на Дизи. — Отдай мне Скрижаль Пламени, и я позволю тебе уйти отсюда живым. Откажешься — и ты знаешь, что тебя ждёт.

Аксель напрягся, мышцы вздулись под кожей, кулаки побелели от напряжения.

— Этого не случится. Ни сейчас, ни через миллион лет.

Энигма усмехнулся, и в этой усмешке не было ничего человеческого. Он медленно кивнул.

— Я этого ожидал, — прошептал он. — Что ж, да будет так. Вы не оставили мне выбора, кроме как уничтожить вас всех.

Энигма издал утробный, полный ненависти боевой клич и, словно тень, метнулся к Акселю, ведомому лишь жадой крови. Кулак правой руки, словно молот, обрушился вниз, Энигма присел в яростном выпаде, и сокрушительный удар пришелся Акселю точно в челюсть.

– Гольй Кулак!

Зубы Акселя клацнули, язык ощутил привкус меди. Чёрт, вот это сила, вот это скорость! Мгновение назад Энигма был на месте, а теперь – боль, ослепляющая, оглушающая боль. Аксель едва успел заметить движение, не то что уклониться... Злобный двойник явно не терял времени даром – неустанно оттачивал навыки, вынашивая месть...

От апперкота за телом Энигмы тянулся призрачный шлейф, люминесцентное сияние фиолетового пламени, окутывающее его, словно саван, когда он обрушил ещё один удар Акселю в переносицу. Ноги подкосились, и Аксель рухнул на землю, ощутив всю тяжесть падения пятой точкой. Энигма презрительно фыркнул, схватил Акселя за футболку и грубо поднял на ноги, не давая опомниться.

– Я долго ждал этого, – прошипел он, процеживая слова сквозь стиснутые зубы, нахмутив брови. – Я не хотел, чтобы ты это сделал.

Блейз, замороженная ужасом, судорожно стлотнула, ощущая на языке привкус песка. Облизнула пересохшие губы, но потрескавшаяся кожа лишь сильнее стянулась. Дыхание стало рваным, прерывистым, аура наполняла каждую клеточку её существа, и стремление вырваться на свободу достигло критической точки.

Она сдерживала себя, отказывалась давать волю чувствам, предпочитая накапливать их, раздувать пламя внутри. Сейчас она чувствовала такую мощь, какой не испытывала уже давно – силу, способную превратить её в чистейшую энергию, уничтожающую материю на молекулярном уровне.

Она приветствовала эту экспоненциальную эскалацию силы homo superior, и на мгновение окружающим показалось, что они застыли во времени. Зачарованно, словно во сне, она наблюдала, как Энигма заносит кулак для последнего удара – он двигался медленнее, мучительно медленно, почти остановился. Она закрыла глаза, отчаянно пытаясь удержать эту бушующую силу под контролем. Когда она снова открыла их, в её руках уже плясало голубое пламя, и ей показалось, что она парит над землей, плывет сквозь комнату в кристальной ясности сознания.

«Я должна защитить Акселя... Энигма должен быть остановлен...»

Адам Хантер, стоявший рядом, издал потрясённый вздох, когда всё тело Блейз вспыхнуло неземным голубым огнём, засияло ослепительным светом, она оторвалась от земли, закружилась в вихре электрических разрядов...

...и с невероятной, молниеносной скоростью ринулась через комнату к Энигме. Трансформация, немыслимая, невероятная, заняла всего лишь мгновение.

Энигма уловил проблеск света краем глаза и обернулся. С молниеносной реакцией он отбросил Акселя в сторону, словно ненужную вещь. За долю секунды он осознал приближение Блейз и, подобно тени, отпрыгнул, избежав испепеляющего удара. Мягко перекатившись по земле, он вскочил на ноги с грацией хищника.

Яркая вспышка погасла, оставив Блейз ошеломлённой, стоящей спиной к оплавленной стене. Стиснув зубы, она попыталась высвободить свою энергию, соткав огненный шар в дрожащих руках. Обернувшись, она яростно взглянула в поисках Энигмы..

... но он уже был рядом, подобно воплощению ночного кошмара, обрушивая на неё поток фиолетового пламени. Драконье дыхание, сотканное из тьмы и злобы, опалило её тело, выжигая сознание и подавляя ауру.

Ошеломлённая, раздавленная невыносимой скоростью, нечеловеческой чистотой и сокрушительной мощью энергии Энигмы, Блейз смогла лишь зажмуриться и издать полный боли крик, рухнув на пол, поверженная в мгновение ока.

— Наглая девка! — захохотал Энигма, сплёвывая ей в лицо. Сквозь стон боли, вызванной ужасными ожогами, она почувствовала его презрение. — Ты недооценила мою силу, — прорычал он, наслаждаясь моментом триумфа, и с силой пнул её в рёбра.

Раздался хруст сломанных костей. Блейз издала сдавленный стон.

— За три года, прошедшие с нашей последней встречи, — прошипел Энигма, его голос сочился ядом, — моя сила многократно превзошла твою, Блейз. Нексус Тёмный питает меня. Теперь ты — ничтожная тень по сравнению со мной..

Антракс, стоявший поодаль, разразился безумным смехом, упиваясь унижением Блейз. На лбу Адама выступили капли холодного пота. Не прошло и десяти секунд с начала схватки. Аксель повержен, а Блейз, homo superior, возможно, самая могущественная из них, со своими сверхчеловеческими возможностями, лежит у ног Энигмы после всего лишь одной испепеляющей атаки. Адам застыл в нерешительности, пытаясь собраться с духом и решить, что делать дальше.

Энигма с наслаждением пнул Блейз в рёбра, и в его душе разлилось злорадство, когда она завизжала, словно заколотая свинья, выплёвывая кровь. Мгновение спустя её сознание померкло..

Аксель вскочил на ноги позади Энигмы, его глаза горели яростью, готовый к смертоносному прыжку...

Адам издал звериный рёв и бросился на Антракса, направляя всю свою ненависть в этот рывок, полный решимости преподать этому ублюдку природы.. своему мёртвому брату.. жестокий урок. Чувства к этому источнику чистого зла, вызывающему лишь отвращение, переполняли его, он был в смятении, почти парализован.. но понимал, что у него нет иного выбора, кроме как

сражаться, надеясь на лучшее. Главное – не допустить, чтобы Скрижаль Пламени попала не в те руки. Эмоциональные последствия своих действий ему придётся разбирать позже.

Антракс увидел бегущего к нему Адама, и злорадная улыбка искривила его губы. Из-под куртки он выхватил «Дезерт Игл», направив чёрное дуло на приближающегося брата, и хищно раздул ноздри.

– Отмучился, братишка, – прошипел он, смакуя момент.

В глазах Адама застыл ужас. Инстинктивно он вскинул руки, пытаясь защититься.

– Нет, Скейт!

Бах! Бах! Бах!

Антракс трижды нажал на курок. Пули, словно раскалённые прутья, вонзились Адаму в живот, насквозь пробив плоть и фонтанируя кровью. От чудовищной силы удара тело отбросило на землю, как сломанную куклу.

– Адам! – отчаянно взвыл Дизи. – Нет!

Он швырнул артефакт на каменный пол и бросился к распостёртому телу друга, но осёкся, чудом успев пригнуться и уйти с линии огня. Антракс, не медля, выпустил ему вдогонку ещё четыре пули. Грохот выстрелов эхом прокатился по залу, и Дизи, приняв боевую стойку, словно пантера, приготовился к смертельному танцу. Стремительным движением он ушёл в подкат и, взметнув ногу, нанёс сокрушительный удар с разворота, сбив Антракса с ног.

В это же время Энигма, почувствовав за спиной дыхание Акселя, нанёс предательский удар в лицо. Аксель взвыл от боли, но, собрав волю в кулак, обрушил на Энигму град ударов в поясницу.

– Тебе меня не сломить, – с трудом выдохнул Энигма, и, извернувшись, нанес Акселю мощнейший удар локтём в челюсть, оглушив его. Затем, ухватив Акселя обеими руками, он с нечеловеческой силой перебросил его через себя, швырнув на каменный пол. Аксель рухнул на землю, словно подкошенный, его голова с глухим стуком ударилась о каменную кладку. Сознание покинуло его.

– Слишком легко... – Энигма жадно облизнул пересохшие губы, злобно усмехаясь про себя. Подняв голову, он окидывающим взглядом окинул поле боя. Аксель, Блейз и Адам уже лежали поверженные, в то время как Антракс и Дизи всё ещё сражались, и, судя по всему, битва шла на равных...

– Аааааагх!

Дизи, вложив всю свою ярость в удар, сокрушительным пинком отправил Антракса в полёт, словно тряпичную куклу. Антракс, выплюнув ругательство, отшатнулся назад и попытался ответить ударом ноги в лицо Дизи.

Дизи, словно тень, уклонился вправо, парировав удар, и тут же нанёс Антраксу чудовищной силы удар в челюсть, от которого его голова едва не слетела с плеч.

— Кулак Смерти! — проревел Дизи, вкладывая всю свою энергию в каждый удар. Антракс пошатнулся, потеряв равновесие.

Энигма, устав от затянувшейся схватки, словно разъярённая фурия бросился на помощь Антраксу, обрушив на ошеломлённого агента МИ-6 шквал ударов, пылающих зловещим фиолетовым огнём. Дизи сдавленно вскрикнул и, бессильно рухнув навзничь, без сознания привалился к восточной стене.

— Спасибо, — прохрипел Антракс.

Всё было кончено. В зале снова воцарилась гнетущая тишина.

Энигма жадно вдохнул, словно впитывая победу, самодовольно кивнул и отряхнул ладони, будто стряхивая пыль с триумфа. Даже намёка на усталость не промелькнуло в его движениях.

Антракс скривился от боли, пронзившей ногу, но, в целом, остался невредим. С трудом нагнувшись, он поднял свой верный «Дезерт Игл», выскользнувший из руки в пылу схватки.

— Сейчас я с ними покончу, — прошипел он, поднимая оружие, целясь в голову поверженного врага.

— Нет, — властно остановил его Энигма. — Опустит пушку. У меня есть для них кое-что... более интересное.

Он приблизился к алтарю, где покоилась Скрижаль Пламени, бережно поднял её, и, зловеще улыбаясь, направился к подпоркам строительных лесов, удерживающих крышу в дальнем конце зала. Антракс, предвкушая забаву, ухмыльнулся и последовал за ним.

— Бери кувалду, — приказал Энигма. — Обрушим эти леса, и пусть крыша станет их погребальной плитой. Если не раздавит сразу, то умрут в муках от удушья, жары или обезвоживания. Шансы, что их когда-нибудь найдут здесь, ничтожны.

Антракс расхохотался, наслаждаясь перспективой.

— Медленная и мучительная смерть. Изысканно.

— Я старался, — отозвался Энигма, беря в руки кувалду. — В конце концов, это могила. Будет вполне уместно, если мы обеспечим им здесь постоянную прописку...

– Аксель! Аксель, ради всего святого, очнись!

В голове Акселя смешались свет и грохот, словно мир взорвался у него внутри.

Аксель Стоун распахнул глаза и судорожно потянулся. Голова раскалывалась на части. Он, словно пьяный, сел, протёр глаза и зашипел от острой боли. Под глазом расплывался багровый синяк – прикосновение пальца отозвалось нестерпимой пульсацией, – а нижняя губа распухла, словно перезревший плод. Во рту зияла пустота – несколько передних зубов были выбиты, и ему предстояло знакомство с адскими муками дантиста. Адски больно, но, в целом... он был жив.

Он застонал и поднял взгляд на Дизи, склонившегося над ним. По лицу Дизи, словно багровая слеза, стекала струйка крови. В его голосе звенело отчаяние, он умолял Акселя подняться. Аксель нахмурился, и в сознание хлынули обрывки воспоминаний. Битва с Энигмой... и сокрушительное поражение. Воспоминания, как ядовитые змеи, начали обвиваться вокруг его мозга.

– Дизи, что... что происходит? – пробормотал он, язык еле ворочался.

– Адама... нужно доставить в больницу. Он умирает.

Слова Дизи, словно ледяной душ, обрушились на Акселя. Он с трудом поднялся на ноги, пытаясь вернуть ориентацию. Они находились в северной части камеры, недалеко от коридора, заваленного обломками. Адам и Блейз лежали неподвижно на земле, без сознания: Блейз – навзничь, раскинув руки, а Адам – свернувшись на правом боку. На противоположной стороне камеры Аксель увидел поваленные строительные леса – несомненно, работа Энигмы – и сквозь новообразовавшиеся трещины в потолке сыпался песок. Совсем немного времени, и гробница обречённых рухнет, погребая их под собой.

– У нас нет времени, – прохрипел Дизи, его голос звучал глухо и отрывисто.

Аксель кивнул, чувствуя, как холодный страх сковывает его тело. Он наклонился, чтобы осмотреть раны Адама.

– Что... что случилось? – спросил он, часто моргая, словно отгоняя кошмар. Он молился, чтобы все оказалось не так страшно, как казалось.

– Три пули, – ответил Дизи, в его голосе звучала мертвенная тишина. – Из «Дезерт Игл», 50-го калибра, «Экшн Экспресс».

Аксель похолодел. Это был приговор. Адам почти наверняка умрёт. Три зияющих отверстия в животе говорили о страшном: внутренности мужчины превратились в кровавое месиво; пули прошли навывлет, а выходные отверстия на спине были под углом, что указывало на повреждение спинного мозга. Позвонок были раздроблены, разлетелись на осколки. Вокруг – море крови.

— Господи Иисусе, — прошептал Аксель, качая головой. — Мы.. мы можем попытаться переместить его?

— В идеале его вообще нельзя трогать, — сказал Дизи, — но, боюсь, у нас нет выбора. Эта гробница обрушится в любую секунду. Нужно выбираться отсюда как можно скорее.

Аксель кивнул, его взгляд метался в панике.

— Ладно... — Он опустился на колени и легонько потряс Блейз за плечо. — Блейз, проснись! Просыпайся, нам нужно уходить...

Она вздрогнула, тихий стон сорвался с обожжённых губ, но тело не слушалось. Кожа пылала от страшных ожогов, лохмотья одежды обуглились и повисли жалкими клочьями. Аксель, не церемонясь, встряхнул её за плечи, покачнул из стороны в сторону, настойчиво возвращая к реальности.

— Что.. что случилось? — прошептала она, с трудом разлепляя веки. Каждый вдох отзывался в горле сухим, скрежещущим кашлем, словно песок и пыль въелись в её лёгкие. Взгляд затуманенных глаз внезапно прояснился, наполнился ужасом.

— Нужно уходить, — отрезал Аксель. — Адам.. он тяжело ранен. Нам нужна твоя помощь, чтобы его вынести.

Блейз, проклиная всё на свете, с трудом поднялась на ноги. Облизала потрескавшиеся губы, чувствуя вкус пепла.

— Хорошо... да... Я помогу.

Дизи уже возился с Адамом, обматывая обрывки его одежды вокруг шеи, чтобы хоть как-то зафиксировать голову.

— Нужно поддерживать голову, чтобы не повредить шею, — говорил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и рассудительно. — Аксель, возьми его под плечи, крепко держи. Блейз, ты — ноги.

Они повиновались, осторожно потянув тело Адама по прямой, туда, где виднелся проблеск света. Земля под ногами предательски дрожала, грозя обвалиться в любую секунду.

— Держите его ровно, как можно прямее, — инструктировал Дизи, не отрывая взгляда от Адама. — Никаких поворотов! Не дайте ему перевернуться...

Слёзы беззвучно текли по обожженным щекам Блейз, пока они, словно в кошмарном сне, медленно, мучительно медленно тащили тело своего потерявшего сознание друга по заваленному обломками коридору. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем они добрались до зияющего провала, когда-то бывшего главным входом в гробницу. Теперь же это место превратилось в пасть смерти, грохочущую и рушащуюся у них над головами.

— Быстрее! Не останавливайтесь! — заорал Аксель, чувствуя, как под ногами оседает земля.

Они вытащили Адама через проём, в ослепительный свет солнца, и в этот самый момент коридор обрушился сам на себя с оглушительным грохотом. Тяжёлые блоки песчаника с чудовищной силой рухнули вниз, разлетаясь на куски, вздымая клубы пыли и обломков. Блейз зажмурилась, инстинктивно напряглась, ожидая удара. Огромное облако пыли накрыло их с головой, окутало плотной пеленой, а затем, словно по мановению руки, рассеялось. Они успели оттащить Адама достаточно далеко от входа, секунды отделяли их от гибели. С облегчением рухнув на песок у подножия дюны, они несколько мгновений молчали, пытаясь отдышаться, прийти в себя.

— На волоске... Мы были на волоске от смерти, — пробормотал Дизи, вытирая грязным рукавом пот со лба.

Адам застонал, возвращаясь из небытия. Вздох вырвался вместе с криком боли.

— Воды... — прошептал он, словно песчинка, сорвавшаяся с дюны.

Аксель судорожно потянулся к фляге на поясе, но пальцы лишь скользнули по ткани. Проклятье! Фляга осталась в холодных объятиях гробницы.

— Ему нужна вода! У кого-нибудь есть хоть капля для этого парня? — отчаяние звенело в его голосе.

Дизи, словно предчувствуя беду, протянул нераспечатанную бутылку.

— Позволил себе прихватить перед выходом, — пояснил он. — Чувствовал, что пригодится.

Сорвав крышку, он бережно поднёс горлышко к иссохшим губам Адама.

Адам жадно потянулся к влаге, и слабый глоток прокатился по его пересохшему горлу. Насытившись, он прохрипел:

— Вам... вам лучше убираться отсюда. Я почти... готов...

— Нет, — твердо сказала Блейз. — Мы не бросим тебя, Адам. Мы доведём тебя до больницы...

Адам содрогнулся в кашле, и алая струйка потекла из уголка его рта, вторя кровавым следам из ноздрей.

— Слишком поздно, — выдохнул он. — Не успеть... Слишком далеко...

Аксель отказывался верить своим ушам.

— Нет! Адам, мы прошли через ад, чтобы ты сейчас сдавался! Мы найдем способ, вызовем вертолёт, вытащим тебя отсюда...

Дизи энергично закивал.

— В экстренной ситуации это возможно...

Адам на мгновение прикрыл глаза, словно собираясь с силами, и, нахмурившись, снова посмотрел на друзей.

— Нет. Слишком серьёзные повреждения. Я... чувствую это. Я умираю.

— Не говори так! — Блейз задыхалась от слез. — Ты не умрёшь!

Слёзы навернулись и на глаза Акселя. Он хотел верить в слова Блейз, но ледяной комок в груди подсказывал, что Адам прав. Его лучший друг был обречён, и никакие врачи не смогли бы отсрочить неизбежное.

— У нас получилось? — прошептал Адам, и слабая улыбка тронула его губы. — Мы остановили Энигму? Мы что-то изменили?

Аксель сглотнул комок в горле и покачал головой.

— Нет, боюсь, что нет, Адам. Энигме удалось сбежать. Он забрал с собой Скрижаль Пламени.

— Вы должны идти... Пообещайте мне, что остановите его, — прошептал Адам, и его взгляд стал угасать.

Блейз судорожно вытерла слёзы.

— Адам! Пожалуйста, не надо...

— Обещайте мне!

Аксель кивнул, и слёзы покатались по его щекам.

— Я обещаю, Адам. Мы остановим этого сукина сына, этого ублюдка! Мы покончим с этим. Клянусь...

Адам сглотнул кровь, дернулся от боли, но губы скривила слабая усмешка. — Это было... забавно... — Взгляд вдруг стал отсутствующим, словно он смотрел сквозь пески времени. — О, Боже... — прошептал он одними губами.

И с этими словами голова его обмякла, а из груди вырвался последний, тихий вздох. Адам Хантер угас, словно догоревшая свеча, и лишь ветер пустыни ласкал песком его неподвижное лицо, а глаза навсегда застыли, глядя в бесконечную даль.

— Нееееееет! — Блейз закричала, раздирая сердце воплем. Она рухнула на колени, сломленная волной отчаяния, захлестнувшей её с головой. — Адааааааааа! Не уходи! Пожалуйста... не уходи...

Горячие слёзы обожгли щеки Акселя, и он отвернулся, словно удар приняв на себя всю тяжесть внезапной, оглушающей правды о смерти Адама. Он вдруг почувствовал себя беззащитным ребёнком, и слёзы, застилавшие глаза, казались кипящей лавой.

— Адам... мой друг...

Дизи вздохнул, безуспешно борясь с подступающей болью. Наконец, и его щеки опалило пламя слёз. Принять это было невыносимо, но он предвидел это с того самого момента, как Антракс нажал на проклятый курок несколько часов назад. Потеря десяти человек в тылу была ударом, но теперь у него отняли Адама – его друга, брата, с которым они делили детство.

Аксель подошел к Блейз, и она бросилась к нему, ища утешения в его объятиях, рыдая, словно раненый зверь. – О, Аксель, почему... почему он? – выдохнула она сквозь слёзы.

Аксель молчал, не находя слов, чтобы унять её боль. Он закрыл глаза, крепче прижимая её к себе, всем сердцем желая повернуть время вспять, предотвратить непоправимое, но знал, что это невозможно. Он поднял взгляд на Дизи. Тот стоял, окаменевший от горя, и смотрел в никуда, поглощённый мрачными думами.

Аксель знал: с этого момента всё изменилось навсегда.

10

Четыре дня спустя
Детройт, Мичиган
9 августа

Когда они свернули с главной дороги к похоронному бюро Венделла, чьи красные кирпичи фасада казались пропитанными печалью, Аксель почувствовал, как беспокойство, подобно ледяной руке, сжимает его сердце. Это бремя не для слабых духом, и все, кто здесь, разделяли его тяжесть... Но Акселя терзало необъяснимое чувство вины за смерть Адама Хантера, словно он стал невольным катализатором трагических событий. Он чувствовал себя недостойным быть здесь, среди скорбящих. Осознание бессмысленности самобичевания лишь усиливало его душевную боль, доводя до иступления.

В витрине, под тусклым светом неоновой вывески "Дом Скорби", безмолвно стояли пустые надгробные плиты – без имени, без дат, без утешения.

Аксель припарковал машину, заглушив двигатель.

– Ты как? – тихо спросила Блейз с пассажирского сиденья.

Он едва заметно кивнул. – Настолько, насколько вообще можно быть в порядке, наверное.

Она сочувственно улыбнулась, и в её взгляде читалось понимание. – Держись.

Они вышли из машины и вошли внутрь. В полумраке коридора витал терпкий запах цветов, смешанный с приторной сладостью полироли для мебели и едва уловимым, зловещим оттенком формальдегида и тления. В конце этого скорбного тоннеля мерцал свет часовни упокоения.

Аксель внезапно осознал, что крепко сжимает руку Блейз, словно ища в ней опору. Её тепло слегка успокаивало его смятенную душу.

– Дизи и Мерфи должны были встретить нас здесь, верно? – спросила Блейз, пытаясь отвлечь Акселя от мрачных мыслей.

Он кивнул и, кажется, что-то пробормотал в ответ, но слова утонули в тишине. Блейз засомневалась, услышал ли он её вообще.

Имя Адама было начертано на листке бумаги, прикрепленном к двери в часовню. Они вошли. Аксель узнавал почти каждого в комнате: убитую горем мать Адама, его коллег из ФБР с печальными лицами, нескольких полицейских из Лос-Анджелеса, своих близких друзей.

Все они узнали его. Он видел это в их взглядах, полных укора и скорби. Но никто не улыбнулся, никто не поприветствовал его. В воздухе висела невысказанная вина.

В глубине зала, словно на театральных подмостках, возвышался кремовый саркофаг, утопающий в море цветов. Алые, солнечные, белоснежные, багряные – они словно соперничали в своей скорби. Аксель невольно шагнул вперёд. Отсюда, издали, он ещё мог видеть лицо Адама. Он боялся приблизиться, боялся окончательно осознать, но и уйти не находил в себе сил.

К ним обратился мужчина в траурном костюме – должно быть, сотрудник похоронного бюро: – Сэр, мэм, не пожелаете ли оставить запись в книге соболезнований и воспоминаний? – Он указал на кожаный фолиант, покоившийся на скромном пюпитре.

Аксель наблюдал, как Блейз выводит: –«Нашему лучшему другу, любовь наша будет вечной. Ты навсегда в наших сердцах. Блейз». Затем, едва заметно кивнув, она медленно направилась к дальнему концу зала, где толпились люди, и то, что лежало в гробу, переставало быть Адамом...

«Нам будет тебя ужасно не хватать. Твой друг, Аксель».

Закончив писать, Аксель обернулся и увидел Долорес, мать Адама, медленно приближающуюся к ним. В её взгляде застыла невыразимая скорбь, а сумочка в руках казалась единственной опорой в этом рухнувшем мире. Под чёрной шляпой с траурной розой виднелись потеки туши – свидетельство слёз, пролитых этим утром.

Для женщины, победившей рак яичников, она выглядела удивительно хорошо, несмотря на горе.

– Аксель, Блейз... – выдохнула она. Долорес, семидесятилетняя, была самой старшей в этой скорбной зале.

Аксель слабо улыбнулся, отводя взгляд. – Доброе утро, мисс Хантер. Рад вас видеть... снова.

– Я рада, что вы пришли, – тихо произнесла она.

— Да вы шутите! — прошептала Блейз, заключая пожилую женщину в крепкие объятия. — Мы просто не могли не прийти! Адам был нам так дорог...

Долорес отступила на шаг и тихо кивнула. — Я знаю. Вы были его лучшими друзьями. Он последовал бы за вами куда угодно.

Аксель глубоко вздохнул, его плечи поникли. — Мне очень жаль, мэм. Правда жаль...

Долорес покачала головой, в глазах блеснули слёзы, но голос оставался твёрдым. — Не извиняйтесь. Вы ни в чём не виноваты. Мой сын знал о рисках, когда впервые надел форму полицейского Лос-Анджелеса двадцать лет назад. Он знал их и когда перешел в ФБР, и когда стал частью Firestorm... Если уж на то пошло, Аксель, вы помогли ему стать лучше. Вы столького достигли вместе за эти годы. Я горжусь этим. Я горжусь вами. Вы для меня как сын, которого у меня никогда не было.

Аксель покраснел, смущённый и тронутый её словами. — Спасибо, мэм.

Он отвернулся, оставив Долорес и Блейз наедине с их воспоминаниями об Адаме. Не в силах смотреть на гроб, он направился к группе сотрудников ФБР, Мерфи и Дизи, одетых во всё чёрное, молча ждали его.

— Что у нас есть? — прошептал он, стараясь сдержать гнев.

— Божь, немного, — ответил Дизи, его лицо было серьёзным. — Мы отследили Энигму до Лос-Анджелеса. Но дальше след обрывается...

— Мы подозреваем, что Энигма уже использует устройство "Казюс Инфернус," — добавил Мерфи, выглядя измученным. Казалось, он не спал несколько дней.

Аксель нахмурился, не понимая. — Что ты имеешь в виду?

— В последние дни в Лос-Анджелесе наблюдаются аномальные погодные явления, — объяснил Мерфи. — Разразилась гроза, какой Калифорния никогда не видела...

Дизи кивнул, подтверждая его слова. — Спутники МИ-6 фиксируют странные данные... аномалию... исходящую из города. Гравиметрические искажения на квантовом уровне...

Аксель вздохнул, чувствуя, как нарастает отчаяние. — Я понятия не имею, что это значит.

Дизи сглотнул, его голос был полон тревоги. — Это значит, что Лос-Анджелес начал смещаться... выходить из фазы с остальным миром. Через пару недель он просто исчезнет...

— Энигма... — Аксель сжал кулаки, его переполняла ярость. Он жаждал возмездия, хотел заставить злодея заплатить за всю боль и страдания, которые он причинил.

Мерфи коснулся его плеча, возвращая в реальность. — Дай нам знать, когда вы с Блейз будете готовы вернуться в Лос-Анджелес. Но поторопитесь, времени почти не осталось...

Аксель кивнул и отвернулся. Его взгляд встретился с взглядом жены, и он увидел в её глазах то же беспокойство, что терзало его самого.

Внезапно из коридора вышла невысокая женщина, остановившись в нерешительности. Ей было чуть больше тридцати, с тёмно-рыжими волосами, собранными в аккуратную причёску. Её юбка, блузка и жакет были траурно-элегантного чёрного цвета. На губах у неё алела тёмная помада. Аксель узнал её — Джоди Келли, одна из бывших пассий Адама, с которой тот периодически встречался последние лет пятнадцать.

В руках Джоди держала скромный букетик фиалок, обернутый у основания серебристой фольгой. Аксель подумал, что так мог бы поступить только ребёнок. Она посмотрела прямо на него, но в её взгляде не было ни тени узнавания. Затем она решительно направилась к гробу Адама, и Аксель последовал за ней.

Адам лежал с закрытыми глазами, руки сложены на груди. Лицо его было безмятежным, одет он был в строгий синий костюм без единой бирки. Это был Адам, и в то же время — не совсем. Аксель понял, что его спокойствие было неестественным. Адам всегда спал спокойно.

Джоди положила букетик летних фиалок на грудь Адама. Затем её губы цвета ежевики дрогнули, она что-то прошептала и смачно плюнула в мёртвое лицо Адама.

Слюна скользнула по щеке и потекла к уху. Джоди уже разворачивалась к двери, а Аксель поспешил за ней.

— Джоди? — позвал он. На этот раз она его узнала. Аксель подумал, не принимает ли она транквилизаторы. Её голос звучал отстранённо.

— Аксель? Что с тобой случилось? Тебя избили?

— Вообще-то, да. В Египте, — ответил Аксель. — Что, чёрт возьми, все это значит?

Она остановилась в тёмном коридоре. — Фиалки? Это цветы, которые Адам всегда мне покупал. Я любила его, знаешь ли, в глубине души, несмотря на наши разногласия.

— Не фиалки.

— Ах, это, — сказала она, смахивая что-то невидимое с уголка рта. — Ну, я думала, это очевидно.

— Только не для меня, Джоди.

— Они тебе не сказали? — Её голос был спокойным, бесстрастным. — Я беременна от Адама. Он пообещал, что уволится из ФБР и снова будет со мной.

Она отвернулась и направилась к парковке, а Аксель смотрел ей вслед.

Он вернулся в похоронное бюро. Кто-то уже вытер слюну.

После обеда состоялось прощание с Адамом. Кремовый гроб с его телом опустили в землю на небольшом, неконфессиональном кладбище на окраине города.

Аксель, Блейз и мать Адама приехали на кладбище в катафалке Уэнделлов. Долорес, казалось, приняла смерть Адама как неизбежность. — Я ведь говорила ему, что так будет, — произнесла она, — Я повторяла ему это снова и снова. Но разве дети слушают своих матерей? — Она пристально посмотрела на Акселя. — Вы поссорились?

— Да, — ответил он.

Она вздохнула, запрокинула голову, и её двойной подбородок задрожал. Взгляд её был устремлен в пустоту.

К удивлению Акселя, в конце зала стояла Джоди Келли. Короткая церемония подошла к концу, и гроб опустили в холодную землю. Люди начали расходиться.

Аксель подошел к могиле. Из кармана он достал фотографию. На ней они с Адамом, ещё молодые полицейские Лос-Анджелеса, смеялись, празднуя победу над организацией "Синий Лебедь". — Это тебе, приятель, — прошептал он.

Несколько лопат земли упали на гроб, но яма оставалась глубокой. Аксель бросил фотографию вниз, к Адаму.

— Спи спокойно, Адам, — сказал он. Затем, почти неслышно, добавил: — Прости меня.

Он отвернулся, и Блейз обняла его, даря столь необходимое сейчас тепло.

— Я люблю тебя, Аксель, — прошептала она.

— Я тоже люблю тебя, Блейз.

До отеля было всего две мили, и они решили пройтись пешком, чтобы подышать свежим воздухом и осмыслить произошедшее.

Завтра утром они вернутся в Лос-Анджелес.

Скоро всё это закончится.

Во сне она оказалась в самом сердце Лос-Анджелеса. Точнее, в многоквартирном доме, где Тина Стоун присматривала за её восьмилетним сыном Максом и маленькой дочерью Дженнифер.

Эмбер, в одной ночной рубашке, бежала по коридору. Красные от усталости глаза, блестящее от пота лицо – на нём застыл неподдельный ужас. Обычно такая смелая, сейчас она казалась совершенно сломленной.

Она выглянула из-за угла. Жилец прикреплял что-то к доске объявлений, а уборщик, не отрываясь, работал полотёром в другом крыле. Эмбер проскользнула через холл и спустилась к лестнице. Приоткрытая дверь манила её. Поднявшись на два пролёта, она добралась до металлической пожарной двери со сломанным замком и выскочила на крышу.

Мгновение спустя она уже бежала босиком по раскалённому гудрону. Добравшись до отделанного алюминием края, Эмбер посмотрела вниз. До застеклённого люка в крыше главного вестибюля первого этажа было неимоверно далеко.

Прохладный ветерок развеивал её ночную рубашку и стирал дорожки слёз, струящиеся по щекам.

Она смотрела на мерцающее море городских огней.

– Теперь я контролирую ситуацию, – раздался бесплотный голос. – У вас нет иного выбора, кроме как выполнять мои приказы. Скоро так будет со всеми в этом мире...

Это был голос Энигмы.

– Сила, чистота, страсть, – продолжал он. – Я – Сила, глава всего. Антракс – это чистота, очищенная и подчинённая моей воле. Красная Лампа – это страсть, страсть убивать. Когда эти трое станут единым целым, они зарядят ядро Нексуса, Тёмного Духа, чтобы приблизить конец времён...

Затем Эмбер увидела нечто ужасное. Языки пламени вздымались над городскими огнями, охватывая Лос-Анджелес. Небо почернело от летающих демонов, и повсюду раздавались крики невинных людей – крики тех, кто был уверен, что такое никогда не случится...

Она озабоченно потёрла запястье. Энигма выбрала её, и теперь пути назад не было...

– Дети мои... – хихикнул Энигма.

И Эмбер, словно повинувшись невидимой силе, шагнула с крыши.

Она падала, падала и падала... Удар пронзил её, когда она пробила стеклянную крышу-люк атриума. Осколки стекла изрезали её, и она рухнула в мелкий фонтан внизу. Вода, мгновенно окрашенная кровью, взметнулась вверх, словно в безмолвном протесте. Её тело, усыпанное осколками, подрагивало в фонтане. Лицо, залитое кровью, было обращено к небу. Раны, усеянные стеклом, напоминали жуткие перья неземного существа. В расширенных от ужаса глазах отражалась бездонная пропасть смерти.

Теперь она ничего не чувствовала. Лишь падение сквозь пустоту, к...

О, нет...

— Нееееееет!!!

Блейз резко села на кровати, вскрикнув от яркого утреннего света, хлынувшего в окно гостиничного номера. Вся в поту, с бешено колотящимся сердцем.

Всего лишь сон...

Она закрыла лицо руками и беззвучно зарыдала. Кошмар ощущался как живое существо, притаившееся рядом, обжигающее шею своим дыханием.

— Что случилось? — Аксель нахмурился и пошевелился в постели.

— Просто сон, — пробормотала она, неуверенно поднимаясь. Она направилась в ванную, отчаянно пытаясь избавиться от жуткого видения. Но было ли это всего лишь сном?

Многоквартирный дом. Эмбер! О, боже, пожалуйста, не дай этому случиться...

Нью-Брэдбери-Тауэр (многоквартирный дом)
Деловой центр Лос-Анджелеса
10 августа

Блейз почувствовала, как страх, словно обжигающая желчь, поднимается в ней, пока они с Акселем шли через главный холл, мимо регистратуры к небольшому фонтану. Вокруг него толпились полицейские, в основном в форме, склонившиеся над телом, возле которого суетились две медсестры.

Детектив Беллами, с перевязанным плечом и рукой, наблюдал за их приближением. Опытный полицейский, которому уже перевалило за сорок, Беллами не всегда разделял взгляды Акселя и Блейз, но они предпочли пройти мимо, избегая разговора.

— Аксель... — окликнул Беллами. — Тебе не стоит это видеть...

Аксель проигнорировал его, отстранённо подумав, что это скорее Беллами не должен быть здесь. Ему следовало выздоравливать, но это было в его духе — пренебрегать предписаниями.

Казалось, путь к телу тянулся бесконечно долго. Коронёр, пожилой китаец в белом халате, с чернильными пятнами на руках, спрятанных в карманах, склонился над телом, накрытым простыней. Это был доктор Жем. Он посмотрел на них, помедлил, а затем приподнял ткань.

— Нет, нет, нет... Нет. Нет... — Аксель услышал собственный голос. — Нет, Эмбер...

Он опустился на колени рядом с телом, и слёзы упали на бледное, покрытое синяками лицо его сестры. Его единственная сестра, его Эмбер, лежала в окровавленной ночной рубашке.

— Почему, боже? — закричал он. Всех, кого он любил, отнимали у него одного за другим.

Блейз вытерла слёзы. Этот сон преследовал её всё утро, и она знала, ещё до известия о самоубийстве в Нью-Брэдбери-Тауэр, что он был предчувствием — предчувствием смерти Тины Стоун.

Глядя на Эмбер, она чувствовала, что вот-вот сломается. Смерть была такой неотвратимой, что никакие слова не могли её смягчить. А что с детьми? Где Макс и Дженнифер? В безопасности ли они? Всё ли с ними в порядке?

Блейз почувствовала, как Беллами встал у неё за спиной. Ей пришлось взять себя в руки и несколько раз сглотнуть, прежде чем она смогла заговорить.

— Она... упала с крыши?

Беллами помедлил. Затем признался:

— Она прыгнула.

— Прыгнула? — воскликнул Аксель. — Нет. Эмбер бы так не поступила. Не с её убеждениями. Нет.

— Я знаю, это трудно принять, — мягко сказал Беллами. — Мы думаем, что она была больна...

— Эмбер не стала бы убивать себя, — настаивала Блейз. Затем она задала самый важный вопрос: — Что случилось с детьми?

Беллами нахмурился.

— Детьми?

— Эмбер была нашей няней, — сказал Аксель. — Макс и Дженнифер, двое наших детей...

Беллами покачал головой. — В квартире нет никаких признаков их присутствия. Мне очень жаль, Аксель. Ты уверен?

Аксель стиснул зубы так, что побелели костяшки пальцев. — Это Энигма, — прорычал он. — Он сделал это... и теперь он похитил моих детей. Ублюдок! — Он снова бросил взгляд на лицо Эмбер, а затем кивнул коронёру, приказывая закрыть его. Ярость и изнеможение боролись в нем за первенство.

Сначала Зан, потом Адам, теперь Эмбер...

"Держись", приказал он себе. "Не сломайся сейчас. Макс и Дженнифер нуждаются в тебе..."

— Я говорю тебе, она прыгнула, — настаивал Беллами. — Есть запись с камеры наблюдения...

— Наблюдение? — эхом повторил Аксель. — Камера? Тогда... Я хочу увидеть эту запись.

Беллами вздохнул, его лицо выражало сомнение. — Ты уверен, что хочешь это видеть?

— Просто организуй это. Пожалуйста. Сделай это для меня.

— Хорошо. Мы можем посмотреть прямо сейчас. Охрана на первом этаже, за вестибюлем. — Аксель отвернулся, заставляя себя оставить тело сестры позади. Он последовал за Блейз и Беллами к лестнице.

Но он не мог бросить свою сестру.

Ни живую, ни мёртвую.

В комнате охраны Блейз сидела на вращающемся стуле, прикованная взглядом к видеомонитору. Она отчаянно желала, чтобы у неё была возможность заглушить боль лекарствами.

На чёрно-белой записи с камеры наблюдения было видно, как сестра Акселя поднимается на край крыши. Она оглядывалась по сторонам...

Вглядываясь в темноту ночи, она качала головой. Оглядываясь через плечо. Затем шагнула с края — совершенно осознанно. Наклонилась вперёд. словно в акробатическом трюке. И исчезла.

Блейз задохнулась и выдохнула: — О, Боже!

Дрожь пробежала по её телу, когда чья-то рука легла ей на плечо, пытаясь успокоить. Беллами сказал: — Вам, ребята, нужно успокоиться. Возьмите несколько выходных. Чёрт возьми, несколько недель. Вы через многое прошли за последние несколько дней...

Блейз покачала головой и сбросила его руку. Затем она повернулась и увидела, что Беллами стоит в другом конце комнаты с Акселем и двумя охранниками. Он говорил оттуда.

Так чья же рука лежала у неё на плече?

22:30

Блейз захлопнула дверцу такси и поспешила за Акселем. К тому времени, как они добрались до входа в клуб "Вегелиц", бывшее криминальное логово Синдиката, дождь перешёл в морось. Непогода, властвовавшая в городе последние дни, не помешала длинной очереди гуляк выстроиться у дверей, жаждущих ночных развлечений.

— Напомни, зачем мы вообще сюда припёрлись? — спросила Блейз.

— Сам толком не знаю, — ответил Аксель. — Пул-8 сказал, что это срочно и мы должны быть здесь немедленно. Вот мы и здесь.

— Надеюсь, он не тратит наше время впустую.

Аксель уже проталкивался сквозь толпу у входа. Блейз следовала за ним по пятам. Она отметила, что публика здесь собралась весьма элегантная. До неё донёлся театральный шёпот дамы в блестящем чёрном платье:

— Говорят, здесь есть что-то вроде секретного клуба, куда почти никто не может попасть.

— Судя по слухам, вам бы не захотелось туда соваться, — ответил её спутник в смокинге.

Аксель и Блейз пробились сквозь толпу к бару, где звуки оркестра мариачи наполняли воздух сладким ароматом ананаса. Блейз вдруг захотелось пина-колады. Но времени на это не было — Аксель уже направлялся в подсобку через боковую дверь.

Блейз поспешила за ним и догнала Акселя за углом туалета, где за маленьким столиком сидел огромный вышибала, явно чувствующий себя некомфортно на хлипком складном стуле.

Несмотря на красный блейзер и галстук, туго обтягивающий его массивную грудь, Бонго выглядел как типичный головорез, но, казалось, знал больше, чем большинство его собратьев. Он, словно скала, преграждал доступ к красной бархатной занавеске позади него. Здоровяк оценивающе окинул Акселя и Блейз взглядом, затем без колебаний отступил в сторону, жестом приглашая их пройти.

Они толкнули металлическую дверь и оказались на лестничной площадке, ведущей в помещение, больше похожее на пещеру, — комнату, которая казалась намного больше ночного клуба наверху. Невозможно было определить, как далеко она уходила вглубь. Это было огромное пространство, освещенное множеством ламп и других источников света, но, несмотря на это, погружённое в полумрак. Дальняя стена терялась в испещрённой пятнами света темноте, казалось, простирающейся до бесконечности.

Огни лишь разгоняли тьму, создавая небольшие островки света. Где-то над ними, в темноте, вибрировала большая чёрная масса, издавая сердитый, чуждый звук. Влажная, блестящая, затаившаяся в тени, словно ждущая момента для удара.

Аксель похолодел. "Вегелиц," – пронеслось у него в голове. Огненный Шторм уже сталкивался с этим существом во времена Войн Синдикатов, и воспоминания были далеко не из приятных. Сейчас Аксель надеялся, что тварь просто не станет лезть на рожон. Как она оказалась здесь, в ночном клубе Лос-Анджелеса, оставалось загадкой, но Аксель не собирался это выяснять. Он был уверен, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Громкая танцевальная музыка пульсировала сквозь стены. Аксель спускался по каменной лестнице, следуя за Блейз. Ярус за ярусом они проходили мимо столиков и баров. За одним из столиков расположилась группа бизнесменов в строгих костюмах. Две девушки лет двадцати с небольшим подняли на Акселя глаза, в которых вспыхнул интерес. Он слышал их кокетливый шёпот, сдержанное хихиканье, и чувствовал, как их взгляды раздевают его.

Они продолжали спускаться. В одном из баров, примыкающих к лестнице, Аксель и Блейз заметили худощавого молодого человека. Он нервно оглядываясь, поспешно ретировался к выходу, словно боялся чего-то.

Наконец они достигли нужного уровня и двинулись по коридору, вырубленному в ониксовой стене. В конце коридора возвышались две внушительные двери, сделанные из неизвестного сплава. Они ждали, зная, что Пул-8 в курсе их прибытия. Секунды тянулись мучительно медленно. Акселя внезапно охватила волна головокружения, но он собрался с силами и выкрикнул:

– Пул-8! Ну что, так и будем здесь стоять?

Прошло несколько долгих секунд, словно двери колебались, прежде чем принять решение. Наконец, со скрипом, они распахнулись, являя взору высокого, татуированного мужчину. Он молча посторонился, приглашая войти.

Аксель и Блейз оказались в офисе Пул-8 – просторном помещении, больше похожем на кунсткамеру. Маски, экзотические растения, мерцающие экраны телефонов и компьютеров – всё это создавало атмосферу таинственности и власти. В центре комнаты возвышался массивный стол, на котором красовался медный прибор, соседствующий с научной скульптурой Солнечной системы. Сейчас, однако, планеты застыли в неподвижности. За столом, склонившись над прибором, работал сам Пул-8 – опытный бизнесмен и владелец этого клуба, которому едва ли было больше тридцати.

– Аксель! – произнёс он, не отрываясь от работы. – Давно не виделись, старина! Что нового?

Аксель глубоко вздохнул, стараясь сохранять спокойствие. – Вы сказали, это срочно...

Пул-8, наконец, поднял взгляд. Его лицо, белое и худощавое, было испещрено боевыми шрамами, словно карта пережитых сражений.

– Да, да. И это, должно быть, ваша жена. Должен признать, весьма привлекательная. Рад познакомиться, Блейз. – Он пожал ей руку и слегка коснулся губами тыльной стороны ладони. – Я слышал о вас только хорошее, так что не волнуйтесь... Зовите меня Пул-8. Мы с Тиной Стоун, сестрой Акселя, вместе учились.

Его лицо омрачилось. — Кстати, мне было очень жаль услышать о её смерти и исчезновении ваших детей...

Блейз удивлённо вскинула брови. — Боже, новости распространяются быстро...

Пул-8 вздохнул и пожал плечами, натянуто улыбнувшись. — Это моя работа — знать, что происходит в этом городе. Кто живёт, кто умирает. Простите, если это прозвучало бестактно...

Аксель, теряя терпение, бросил на него раздраженный взгляд. — Моя сестра мертва, Пул-8, наших детей похитили, и если у вас нет чертовски веской причины втягивать нас в это, то, клянусь Богом...

— Я перейду сразу к делу, — перебил его Пул-8, отрезая угрозу на корню. — Вчера я... нашёл... кое-что... что может вас заинтересовать.

Он направился к металлическому сейфу в дальнем углу комнаты и, набрав сложную комбинацию, открыл его. Сейф щёлкнул, и Пул-8 извлёк оттуда большой, тёмный предмет, который вспыхнул в лучах потолочной лампы.

Предмет, покрытый египетскими иероглифами, представлял собой странную конструкцию, собранную из девяти меньших частей. В результате получилось нечто, напоминающее причудливую смесь ксеркса и бронированного нагрудника самурая.

— Это то, о чём я думаю? — прошептала Блейз.

Пул-8 поднёс предмет ближе, медленно поворачивая его в руках.

— Каэкс Инфернус, — произнёс он с благоговением. — Во всей своей красе.

Глаза Акселя сузились, в них промелькнула подозрительность. — Где, чёрт возьми, ты это взял? Эта штуковина — любимая игрушка Энигмы... Если она у тебя, почему он до сих пор не прикончил тебя? Ты на него работаешь?

Пул-8 покачал головой. — Короче говоря, Аксель, Энигмы больше нет. — Он облизнул пересохшие губы. — Его больше нет ни в Лос-Анджелесе, ни вообще где-либо. Он просто оставил эту штуку, так что мне оставалось только её забрать. Проще простого.

Блейз нахмурилась. — Что значит, он ушёл?

Пул-8 снова облизнул губы. — Я имею в виду, исчез. Испарился. Растворился в воздухе. И Антракс исчез вместе с ним. Очевидно, они прихватили и ваших детей. У меня есть свидетели, которые это подтвердят. Маленький мальчик и младенец, верно? Куда бы они ни отправились, они использовали эту штуку, чтобы туда добраться.

— Чёрт, — задумчиво протянул Аксель. — Они в Аду...

Пул-8 выдавил из себя слабую улыбку. — Я слышал об этом. Думаю, Энигма виновен во всей этой чёртовой погоде. Каким-то образом он способен влиять

на события в нашем мире с другой стороны... как полтергейст, или демон, или что-то в этом роде...

- Это просто жутко, - сказала Блейз.

Аксель кивнул. - Жутко, но это правда. Я уверен, он виновен в смерти Тины. Он толкнул её с крыши, каким-то образом заставил спрыгнуть, я знаю это. Наши дети тоже оказались в Аду вместе с ним. Он расставляет нам ловушку...

- Ловушку, в которую нам, возможно, придётся угодить, - вздохнула Блейз, - если мы хотим когда-нибудь снова увидеть Макса и Дженнифер живыми.

Пул-8 протянул древнее устройство обеими руками. - Я подумал, это вам пригодится. Берите.

Аксель кивнул, осторожно принимая "Каэус Инфернус" из протянутых рук Пул-8. При этом он почувствовал странное жужжание, охватившее его. - Мы должны покончить с Энигмой. Нам просто нужно понять, как пользоваться этой штукой...

Блейз судорожно сглотнула и моргнула, ощутив огромную силу, исходящую от устройства. - Думаю, я смогу заставить его работать, - сказала она. Она протянула щупальца своей ауры, ощупывая воздух вокруг устройства, и почувствовала, как оно откликается. Она кивнула. - Да, я почти уверена, что смогу это сделать...

- Будь осторожна, милая, - сказал ей Аксель. - Древние египтяне не могли справиться с мощью этой штуки пять тысяч лет назад. Никто не знает, что мы можем высвободить...

Пул-8 стиснул зубы. Удивительно, но в этот момент он испугался больше, чем когда-либо. Он думал, что это самое страшное, что может быть с человеком. Очевидно, этому не было предела. Он прочистил горло. Стараясь, чтобы его голос не дрожал, он сказал: - Ребята, мне нужно, чтобы вы вышли за пределы клуба, если собираетесь это сделать...

Аксель, нахмурившись, бросил взгляд на Блейз.

- Мы снимем номер в гостинице. В каком-нибудь тихом месте, - произнёс он.

Блейз глубоко вздохнула, затем кивнула и последовала за ним к выходу.

- Удачи! - крикнул им вслед Пул-8.

Аксель кивнул в ответ, затем опустил взгляд на Каэус Инфернус, зажатый в его руке.

- Спасибо, - тихо произнёс он, чувствуя, что он может им пригодиться.

Номер в гостинице был скромным, обставленным без изысков: у стены – телевизор и стереосистема, на окне – горшки с цветами, а на светло-голубом ковре – розовая оттоманка. На полке стояли книги: томики из клуба любителей классической литературы, несколько бестселлеров, Библия и словарь Вебстера.

– Блейз, ты готова? – спросил Аксель, глубоко вздохнув. Он не знал, чего ожидать, но предчувствовал недоброе.

– Давай сделаем это, – ответила она.

Блейз взяла его за руку и посмотрела на «Каэкс Инфернус», лежащий на оттоманке. Она протянула к нему свою ауру, ощущая и общаясь с энергией артефакта. Между ними возникла связь.

"Переход между измерениями..."

Она вызвала вибрацию и пропустила её сквозь себя, от головы до пят, не отрывая взгляда от устройства. Лампочки в комнате запульсировали, замерцали, и их свет сменился зловещим сиянием, насыщенным, словно от лесного пожара, тёмно-янтарным блеском. Комната задрожала, словно ожила, а затем всё стихло.

– Вот чёрт, – выдохнул Аксель.

Он встал и огляделся. Комната осталась прежней, и в то же время изменилась до неузнаваемости. На экране телевизора мелькали лишь помехи. Картины на стенах теперь изображали смерть и разрушение. Растения стали мертвенно-белыми и беспокойно тянулись, словно приносясь к чему-то. Оттоманка выглядела так, будто в ней сожгли человека, а потом вернули к жизни. Она плакала и пыталась уползти. Диван был обтянут человеческой кожей... с живыми лицами. «Каэкс Инфернус» исчез, его заменили парящие в воздухе шары, с любопытством разглядывающие их. В этом месте всё было неправильно.

– Мир за пределами мира, – пробормотала Блейз.

Она почувствовала порыв горячего воздуха и, обернувшись, увидела, что одна стена почти полностью разрушена, словно от взрыва бомбы. Из пролома исходило болезненное свечение цвета сепии...

– Что там? – спросила она.

Аксель подошёл к дыре в стене. По мере приближения он услышал звук, похожий на то, как миллион крошечных челюстей жуют одновременно. Он поморщился, осознав, что ковёр тоже изменился: он чувствовал, как языки лижут подошвы его ботинок, а по краям слышался осторожный скрежет зубов. Он быстро шагнул в пролом, ступив на кучу вонючего щебня, и замер, глядя на эту конкретную часть Ада: Ад Лос-Анджелеса.

Это был Лос-Анджелес, но в худшем своем проявлении: многие из знакомых зданий горели, засыпая небо пеплом. Здесь не было ни дня, ни ночи – если ты предпочитал день, тебе всегда казалось, что это ночь; если ты любил

прохладный вечер, то тебя ослепляло яркое дневное сияние. Блейз подошла и встала рядом с Акселем у дыры в стене.

- Что это за место? - прошептала она, глядя на горящий городской пейзаж.

Он не знал, что ответить. Единственное, в чем он был уверен: они оказались в параллельном измерении, где вечная боль и страдания были единственной реальностью.

Среди обломков и развалин копошились человеческие фигуры, корчась и с трудом передвигаясь. Протяжный, скрежещущий звук заставил его представить себе облако безжизненных человеческих ртов, словно тучу саранчи, бесконечно перемалывающих все на своем пути. Звук то нарастал, то стихал, создавая жуткий контрапункт к нестройному хору криков и мольбы, столь же обычному для этого места, как стрекотание сверчков во влажном лесу.

Именно таких криков и следовало ожидать в аду, но их было так много, что они слились в мрачную, хаотичную какофонию, напомнив Акселю о песне Пендерецкого, посвященной жертвам Хиросимы.

Он поморщился. - Двигаемся, - сказал он, хотя и понятия не имел, куда идти. Энигма мог быть где угодно в этом проклятом месте.

Блейз в ужасе кивнула. Её разум был полон мыслей о безопасности и благополучии их детей. Родительская любовь придавала ей силы, необходимые, чтобы пройти через это темное, отвратительное царство смерти и разложения.

"Макс, Дженнифер, мы идем за вами.."

Они двинулись вперед, Аксель прокладывал путь между грудями щебня. С одной стороны возвышалось кирпичное здание, и Аксель совершил ошибку, взглянув на него. Его внимание привлекло судорожное движение между кирпичами, непрерывное покачивание самой кладки. Каждый кирпич удерживался на месте раствором, состоящим, казалось, из человеческих душ - красным, с вкраплениями костей, раствором из измельченных кусочков живых тел. Кирпичи перемалывали их, перемалывали лица, пальцы, бормочущие мольбы, истекающие кровью души. Люди, каким-то чудом ещё живые, были втиснуты в щели шириной не больше дюйма. Кирпичи двигались, скрежеща, словно жевательные зубы. Всё здание содрогалось, как сомкнутые челюсти.

Аксель поспешно отвернулся, заставляя себя не слышать хриплые, безнадежные мольбы тех, кто застрял в каменной толчее.

Они подошли к низкой, разрушенной эрозией стене, перепрыгнули через неё и съехали по обугленной насыпи. Затем остановились, чтобы осмотреться на возвышенном участке заброшенной автострады.

Этот неопределённый отрезок шоссе казался нетронутым, словно гигантская полка, на которой были выставлены сотни и сотни смертельных аварий, произошедших только что и всё ещё дымящихся.

Раскалённый ветер обжигал лицо, но Аксель не отрывал взгляда от разлагающегося городского пейзажа, проступавшего сквозь пепельную завесу.

В этом адском Лос-Анджелесе у них не было определённой цели, да и узнали бы они её, если бы она и существовала? Пока же они бесцельно брели, смутно надеясь на подсказку, на ключ к тайне пропавших детей.

– Я понятия не имею, где мы, – наконец выдохнул Аксель, качая головой. – Это место... это просто ад.

– Это и есть Ад, – отозвалась Блейз, приподняв брови. Она сделала глубокий вдох и тут же пожалела об этом. Воздух был настолько горячим, что почти опьянял, словно сам кислород был отравлен. Сжав кулаки, она поспешила за Акселем, который уже бежал по автостраде, лавируя между остовами машин.

Краем глаза Аксель заметил движение. Внутри обгоревшего Ford Explorer справа от них клубилось нечто ненасытное, пресытившееся муками истерзанной души. Ему хотелось чего-то более существенного. О, этот восхитительный запах! О, предвкушение! Здесь были двое живых... редкая добыча в этом бесконечном адском дне.

Аксель потянул Блейз за собой, ускоряясь. В тот же миг, с треском разбив лобовое стекло, из "Эксплорера" вырвался кошмар. Он прополз сквозь зубастую раму из битого стекла, перекатился по смятому капоту и с влажным шлепком приземлился на маслянистый бетон. Существо напоминало гигантскую многоножку, размером с питона, с головой, увенчанной ухмыляющейся, жирной рожей. Оно преследовало их.

– Чёрт! – выдохнула Блейз, рискнув оглянуться. Она прибавила скорости, поравнявшись с Акселем.

– Трудно поверить, что древние египтяне поклонялись этим тварям как богам... – фыркнул Аксель.

– Оно нас догоняет! – закричала Блейз.

Аксель сосредоточился на беге. Они достигли обрывистого края шоссе и сквозь внезапно поднявшийся вихрь пепла заглянули вниз, на улицы. Там, внизу, бились и извивались тысячи невыразимых демонов и манифестаций, толпы проклятых – охотящихся и пожирающих друг друга. Иногда они действовали смертоносными фалангами, а иногда просто набрасывались на воющую толпу, чтобы разрывать, терзать, пожирать: бесконечная, горькая жатва. И, насколько мог видеть Аксель, после того, как тебя пожирали, не было никакого покоя: тебя просто "переваривали" на самом дне Ада...

Несколько долговязых демонов повернули свои головы, состоящие, казалось, из одних только пастей, в сторону Акселя и Блейз. Почувствовав их присутствие, твари начали приближаться. Они сразу поняли: эти двое – нечто иное, гораздо более сочное, чем те, кого они пожирали бесчисленное количество раз. Свежая плоть.

Справа Аксель заметил спиральный съезд, ведущий к дороге, которая должна была вывести их к адской больнице Эджмонт. Довольно далеко, но он рванул к нему, твердя себе: "Просто беги. Беги, пока можешь."

Они должны вырваться вперёд. Хотя бы на время.. Но демоны уже вырвались на автостраду и бросились в погоню. Кто-то двигался волнообразно, кто-то скакал, но все они, пока ещё на приличном расстоянии, неумолимо приближались к Акселю и Блейз.

— О, Господи Иисусе, о, Господи Иисусе, — шептала Блейз, бежавшая изо всех сил. Она чувствовала, как её дух слабеет, как экзистенциальное притяжение, исходящее от огромной массы духовных страданий, что и было Адом, тянет её вниз. Она представила себя тающей, как восковая фигура, её душа превращается в прозрачную жидкость, стекающую по трещинам асфальта и впитывающуюся в живую ненависть, из которой соткана ткань Ада.

Она отбросила этот образ. Нужно сосредоточиться, оставаться объективной, иначе им не спастись. Она решила не смотреть на лица в окнах "Адского Эджмонта", когда они пробегали мимо окраин здания.

"Не смотри, Блейз, на эти кричащие лица, снова и снова бьющиеся о стекло. Скрежет зубов и брызги крови.. Просто не смотри."

Краем глаза она видела, как демоны окружают их на дороге, догоняют, бегут прямо за ними, почти вплотную, готовясь к нападению. Она чувствовала горячее дыхание сотен демонов, обжигающее спину. Когда они открывали свои пасти, чтобы кричать, это был звук, сотканный из сотен отдельных воплей.. И теперь они ревели в предвкушении свежей добычи.

Аксель знал: если он сейчас оглянется, то увидит приближающуюся, растущую, кишащую массу астральных хищников. Живую лавину демонов, наступающую им на пятки.

— Нам не вырваться! — прорычал Аксель.

Внезапно, из тени перед ними выступил человек, размахивая небольшим портативным устройством.

Антракс!

В тот самый миг, когда Блейз почувствовала, что демоны вот-вот разорвут её на части, Антракс направил на преследователей небольшое устройство. Нажав кнопку, он выпустил пронзительный свист.

Огоньки на устройстве замигали, посылая, очевидно, какой-то сигнал.

Словно единый организм, демоны взвыли и бросились врассыпную, отчаянно пытаясь уйти подальше от того, что выпустил Антракс. Мгновения спустя извивающиеся существа исчезли, и Аксель с Блейз смогли, наконец, стоять неподвижно.

Они замерли, пытаясь отдышаться.

— Антракс, мы были на волосок от гибели, — проговорил Аксель, тяжело дыша. — Спасибо, парень, ты спас нам жизни!

— Да ладно, ничего особенного, — ухмыльнулся Антракс, подключая устройство к разъёму на поясе. — Гравитонный импульсный излучатель. Без

него из дома ни ногой. К тому же, я хотел приберечь удовольствие убить вас лично...

Блейз нахмурилась. Внутри неё вспыхнул гнев.

— Ты убил Адама, — резко бросила она.

Антракс расхохотался, и этот смех звучал зловеще. Казалось, он чувствовал себя как дома в этих бесплодных печах Ада.

— Ах, да, я слышал о смерти Адама Хантера. Ха! Какая ирония... его убил собственный мёртвый брат. Немного парадоксально, не находите? Представляю, что написали бы газеты, если бы об этом узнали. Может, мне стоит продать свою историю... глядишь, и заработаю немного...

Аксель усмехнулся.

— Где Энигма? И наши дети?

Антракс осклабился.

— Всего в миле отсюда, в Библиотечной башне. Но не беспокойтесь, вы туда не доберётесь.

Он выхватил из кобуры, висевшей за спиной, большой, отполированный мачете и направил его на них.

Аксель собрался с духом.

— Здесь вы и умрёте, — прошипел Антракс и бросился в атаку.

14

Антракс взмахнул мачете, словно это был рыцарский меч. Аксель уклонился от удара, словно танцор, и тут же контратаковал, целя в рёбра противника. Антракс хмыкнул, отпрыгивая назад. Он снова замахнулся мачете, на этот раз целя Акселю в яремную вену. Аксель заметил угрозу, резко пригнулся и, выставив ногу, нанёс мощный удар Антраксу в пах.

Антракс выдохнул сдавленный стон, согнулся пополам, и мачете выпало из его руки. Оружие бесшумно коснулось земли, мгновенно рассыпавшись в кучку белого пепла. Блейз, стремительно приблизившись, пнула остатки мачете в сторону. Она наблюдала, как пепел с грохотом покатился по каменистой, покрытой пеплом улице, исчезая за краем обрыва — отвесной пропасти, дна которой не было видно.

Задышавшись, Антракс схватился за пах и прошипел: — Знал же, что надо было взять пистолет! Избавился бы от вас, как от Адама — быстро и без проблем...

Аксель покачал головой. — Скейт, что с тобой случилось? Как ты мог убить собственного брата? — На лице Антракса отразилось отвращение. — Сколько раз повторять? Я больше не Скейт. Забудь это имя! Я — Антракс!

– Ты не ответил на мой вопрос, – настаивал Аксель.

Антракс фыркнул. – Адам Хантер не был моим братом. Возможно, когда-то, в прошлой жизни, но не сейчас. Я разорвал все связи со своим прошлым – у меня больше нет семьи.

– Тебе, должно быть, очень одиноко, – заметила Блейз, приподняв бровь. – Никого любить, и никто не любит тебя в ответ...

Антракс хрустнул шеей. – Не говори глупостей. Любовь – это слабость. – Он выпрямился, принимая стойку кикбоксера, готовясь к следующей атаке. – Вы тратите время впустую. Я больше не испытываю ни преданности, ни угрызений совести из-за убийства Адама. Если бы у меня был шанс, я бы сделал это снова, но, возможно, сделал бы его смерть более медленной и мучительной.

Блейз вздохнула. – Ты же понимаешь, что тебе не справиться с нами обоими, верно? – Она подняла правую руку, вызвав огненный шар, который затанцевал над её ладонью. Вокруг неё заискрились электрические разряды.

– Ты издеваешься! – прошипел Антракс, сжимая кулаки. Он бросился в атаку, нанося удар ногой...

...и Блейз метнула огненный шар вперед, направив энергию прямо в грудь Антраксу.

Взрывная волна подбросила Антракса в воздух и отбросила назад, за край осыпающегося обрыва. – Нееееет! – взревел он, его извивающееся тело описало дугу над Адским Лос-Анджелесом. Внезапно, сопровождаемый демоническим хохотом, который эхом прокатился от горизонта до горизонта, огромные завесы янтарного пламени окутали город, вырвавшись откуда-то из глубины.

Антракс осознал: он не падает, а взмывает вверх. Необъяснимая сила тянула его к небесам, вызывая странное, тревожное ощущение. Внезапно подъём прекратился. С ужасом он взглянул вниз, в зияющую бездну Ада.

И тут его отпустило. Падение было стремительным. Внизу, словно черви в гниющей ране, копошились демоны. Они ждали его, разинув пасти в голодном предвкушении. Антраксу показалось, что в этом месте никогда не существовало ничего, кроме боли. Вечной боли.

Блейз стояла на краю пропасти, наблюдая за его падением. Отвернувшись, она крепко зажмурила глаза. К горлу подступила тошнота, когда она представила, как демоны разрывают его тело на части.

– Я надеялся, что до этого не дойдёт, – проговорил Аксель, качая головой. – Такая бессмысленная потеря...

Блейз нахмурилась и снова посмотрела в бездну.

– Честно говоря, Аксель, – сказала она, – я не думаю, что он действительно мёртв...

Аксель наклонился, следуя за её взглядом. Насколько он мог видеть, Антракса пожирали, отрывали, разрывали на части, пожирали, отрывали... снова, и снова, и снова. Казалось, он навечно прикован к этой проклятой участи, от которой нет спасения.

Блейз поморщилась. – Похоже, его ждут вечные муки в аду.

Аксель кивнул. – Да, но винить ему некого, кроме себя. Идём дальше.

В небо взметнулись чёрные столбы дыма, а следом посыпался пепел, словно зловещий снег. Лос-Анджелес, каким они его знали, исчез. Здания, мимо которых они проезжали, превратились в груды обломков, в безмолвные памятники отчаянию. Это был город, навеки запечатлённый в жёлтом, хищном взгляде шакала; город, где демоны чувствовали себя как дома, а его жители гибли в искорёженных машинах, разрушенных торговых центрах, среди оплавленного пластика и руин кирпичных зданий... или становились жертвами кровавых представлений, которые никогда не заканчивались в "Голливуд Боул".

Аксель заметил, как Блейз, идя рядом, смотрела на багровое небо. В её глазах читалось ожидание новой атаки крылатых тварей.

– Слушай, может, ты мне что-то подсыпал? – полушутя спросила Блейз. – Это всё какой-то кошмар? Или это... реально?

– Ты знаешь, что это реально, – ответил Аксель. – Ты же чувствуешь.

Блейз вздохнула. – Меня тошнит от этого места. Здесь воняет смертью.

Они шли молча, пока не остановились на углу, у подножия разрушенной библиотечной башни.

– Вот оно, – сказал Аксель, глядя на небоскрёб. Когда-то, возвышаясь на тысячу футов, он был одним из самых высоких зданий в Соединённых Штатах. Теперь, в этом аду, он стоял заброшенный, но достаточно крепкий, чтобы устоять, в отличие от большинства других строений. – Здесь мы найдем Энигму, если Антракс не соврал...

Блейз с трудом сглотнула и кивнула. – Он там. Я чувствую. Мы так близко... Он ждёт нас.

Аксель шумно выдохнул. – Тогда давай покончим с этим.

Их шаги эхом отдавались в длинном, тёмном коридоре. Аксель задыхался. Лёгкие горели, горло саднило. Ему приходилось собирать всю волю в кулак, чтобы продолжать идти. Атмосфера здесь была невыносимой, непригодной для жизни. Он закашлялся кровью – плохой знак. И, конечно же, лифты не работали. Впрочем, учитывая, что они находились в аду, это не стало большим сюрпризом. Боже, как же хочется выпить.

— Когда всё это закончится, как мы выберемся отсюда? — спросила Блейз. Аксель, разумеется, не знал. У них не было доступа к Каэус Инфернус с этой стороны, так что, насколько он понимал, они были в ловушке. Он чувствовал, что должен сказать ей правду, но не мог заставить себя. Это прозвучало бы слишком безнадежно, как приговор. К тому же, пока Блейз бежала рядом с ним по тёмному коридору и поднималась по лестнице, в её глазах читалось, что за последние сутки она и так получила слишком много плохих новостей.

Слишком много...

Они прошли через сломанные вращающиеся двери на тридцать седьмой этаж.

Блейз застонала и схватилась за голову. — Мне нужно отдохнуть. Я больше не могу, — прошептала она.

Остановившись в коридоре, они тяжело дышали.

— Я... Энигма, должно быть... — Она замолчала, и в глазах её мелькнуло странное выражение.

— Что? — спросил Аксель.

— Я не знаю. Просто чувствую...

Она снова осеклась, судорожно схватилась за живот. Казалось, её пошатнуло, а затем она, словно в лунном танце, начала пятиться от Акселя. Замерла на мгновение, посмотрела на него широко раскрытыми от отчаяния глазами — словно боролась с чем-то невидимым, тянущим её назад.

Аксель подавил испуг и попытался схватить её, но опоздал на долю секунды. Её с силой ударило о стену. Удар был таким, словно она намеренно поддалась, освобождая дорогу чему-то, что тянуло её сквозь штукатурку, дерево и металлические скобы.

Аксель прыгнул в образовавшийся пролом, но увидел, что она стремительно удаляется, увлекаемая невидимой силой, деформирующей пространство за ней. Она пронеслась через ряд офисных помещений, через конференц-зал...

Аксель бежал изо всех сил, выкрикивая её имя, перепрыгивая через обломки, через куски развалившейся мебели, продираясь сквозь разбитые стены, но не мог её догнать.

Каждый раз, когда она ударялась обо что-то, Аксель видел невидимую фигуру, принимающую удар на себя. Это был Энигма, обладающий невероятной силой, но видны были лишь его очертания.

Он услышал её испуганный крик: — Акс!

Грохот! Её дернуло вверх, сквозь потолок.

— Акс... —

И затем она исчезла, устремившись вверх, сквозь оставшиеся тридцать шесть этажей здания, прямо на самый верх башни. Аксель, задыхаясь, перепрыгнул через разбитый стол и добрался до дыры в потолке. Металлические обломки и пенопластовая изоляция обрамляли рваные края пробоины, из которой вырывались языки пламени.

– Чёрт, – пробормотал он, жадно плотая воздух.

Он бросился к лестнице.

15

Блейз очнулась на жёстком полу просторной часовни, расположенной на вершине башни. Тусклый свет просачивался сквозь витражи над головой, чьи чёрные стёкла отбрасывали мрачные тени. Длинные деревянные скамьи и алтарь, украшенный пятиугольником, не оставляли сомнений: здесь поклонялись сатане. Вместо распятия на стене висел демонический образ, а безумная монахиня, хихикая, собирала кровь, капающую с его клыков. Блейз видела и других верующих – бесплотные фигуры, то появляющиеся, то исчезающие, хихикающие и бесстыдно совокупляющиеся прямо на полу под алтарем. Проклятые души, обреченные на вечные мучения, а не на экстаз, они яростно терзали друг друга в бесплодных объятиях. Знакомый многоголосый скрежет, подобный шуму моря на каменистом берегу, пронизывал всё вокруг.

Она застонала и перевернулась на бок. И тут её взгляд упал на долгожданное зрелище в противоположном конце часовни. – Мама! – раздался голос Макса Стоуна.

Там, подвешенные в воздухе каким-то стазисным полем, находились её восьмилетний сын и девятнадцатимесячная дочь. Руки и ноги Макса были связаны проволокой. Дженнифер спала, но была жива – Блейз видела, как едва заметно поднимается и опускается её грудная клетка.

Блейз улыбнулась и невольно вскрикнула от радости. – Макс! Дженнифер! Вы живы! – выдохнула она.

– Мама, помоги нам выбраться отсюда, – взмолился Макс, тщетно пытаясь освободиться от пут. Проволока была слишком туго затянута, он мог лишь слегка пошевелить конечностями.

Преодолевая боль, Блейз вскочила на ноги и бросилась по центральному проходу между скамьями к детям, застывшим в воздухе. Она внимательно осмотрела их, пытаясь понять, откуда исходит стазисное поле.

– Мистер Энигма установил какую-то машину, – сказал Макс. – Там, внизу, под этой скамьей...

Блейз облизнула пересохшие губы, её глаза лихорадочно шарили по полу. – Милый, я ничего не вижу...

— Чуть правее, — подсказал Макс. Его глаза вдруг расширились от ужаса. — О нет, мама! Осторожно! Позади тебя!

Блейз вздрогнула и резко обернулась. За её спиной маячил призрачный силуэт, расплывчатое пятно цвета. Не успела она среагировать, как её настиг удар, сокрушительный, словно обрушившаяся стена.

Её отбросило назад, она пролетела несколько футов и с глухим стуком врезалась в противоположную стену.

— Чёрт! — выдохнула она, сквозь стиснутые зубы. Ошеломлённо моргая, она увидела над собой Энигму, теперь проявившегося во всей своей зловещей красе.

— Как тебе мои новые способности, Блейз? — спросил он, ухмыляясь, словно безумец. Его взгляд, острый, как бурав, впился в её глаза. Блейз вскрикнула, внезапная головная боль пронзила её, словно удар молнии.

Энигма расхохотался. — Здесь, в Тёмном Царстве, я свободен от ограничений реального мира. Благодаря силе Нексуса я здесь — бог. Я могу становиться бесплотным, как призрак, двигаться со скоростью пули и даже влиять на события в вашем мире, используя лишь силу мысли...

До Блейз дошло. — Ты убил Тину Стоун, — прошептала она, с трудом переводя дыхание. — Дистанционное, психическое внушение...

Энигма осклабился. — Именно. Узнав о твоём побеге из Египта, я был раздосадован, но не удивлён. Я знал, что лучшее место для моей мести — здесь, в Тёмном Царстве, в моих владениях. Похищение этих сорванцов, — он кивнул в сторону детей, — было лучшим способом заманить тебя сюда. Благодарю за это Антракса. Как только дети оказались здесь, со мной, в безопасности, я заставил Тину Стоун, эту слабоумную сучку, покончить с собой, прыгнуть с крыши. Но это было лишь развлечение... Я использовал свои божественные способности, чтобы вонзить нож в самое сердце моих противников...

— Я думала, ты собираешься уничтожить мир с помощью этого... Нексуса, — проговорила Блейз, и голос её дрогнул. В глазах стояли слёзы. — Ты говорил, что не хочешь становиться богом...

Энигма усмехнулся, словно смакуя её отчаяние. — О да, конечно. Нексус использует меня, как марионетку, пока не обретёт плоть. Но благодаря моим усилиям, это измерение медленно, но верно сливается с вашим. Всего несколько недель, и Ад и Земля станут одним целым. Все погибнут в грядущем апокалипсисе, когда Нексус обрушит на них свою безграничную мощь.

Его смех прозвучал как насмешка, как торжество безумия.

— А теперь, когда ты здесь, Блейз... — он наклонился ближе, и в его глазах вспыхнул злой огонь. — Я убью тебя первой. И знаешь что? Я получу от этого чертовское удовольствие, ты, жалкая, тупая...

— Эй! — раздался крик Макса у него за спиной. — Оставь мою маму в покое!

Энигма лениво повернул голову, одарив мальчика злой, самодовольной ухмылкой, и снова обратился к Блейз. Резким движением он отвёл ногу назад и с силой ударил её в лицо.

Блейз рухнула на спину, чувствуя, как хрустят кости носа, а осколки зубов царапают язык.

— Готовься к смерти, — прошипел Энигма, раздувая ноздри.

Блейз не могла понять, как он смог так легко её подавить. Это было невозможно. Она владела двумя стилями боевых искусств, была опытным детективом. Её генетические способности homo superior не сильно уступали тем, которыми так кичился Энигма.

Но его рука, сжимающая её горло, словно высасывала из неё жизнь. Его сила казалась неземной, словно подпитывалась самим Адом. Ей нужно было что-то предпринять... вырваться.

Но как? Сейчас она чувствовала себя слабой, как младенец, пытающийся отобрать оружие у спецназовца.

Пока она отчаянно искала выход — сопротивляясь, царапаясь, пытаясь ударить его коленом в пах, но безуспешно — он вдруг наклонился, его лицо оказалось в дюйме от её лица, и на губах играла жуткая ухмылка.

Её пронзила мысль: он собирается её поцеловать. Не просто поцеловать — вторгнуться. На мгновение ей показалось, что она видит его глазами, ощущает его желания: сорвать одежду, подчинить, обладать. Представить её покорной, жаждущей его прикосновений, готовой отдаваться снова и снова.

Она всхлипнула и оттолкнула его, пытаясь вырваться из этого наваждения. В этот момент Энигма ударил её, сильным ударом развернув, и с жестокой силой связал запястья за спиной обрывком провода.

— Боже, — взмолилась она, — неужели ты это допустишь? Не ради меня, ради всего мира...

Глухой стук. Шаги на лестнице, где-то неподалёку.

Аксель!

Энигма тоже услышал. Он отвернулся, ослабив хватку на её шее.

Это шанс. Она ударила его тыльной стороной ладони по запястью, а затем, собрав всю силу, нанесла удар кулаком в челюсть. Удар получился смазанным, но Энигма отшатнулся, роясь в кармане. Лезвие. Она попыталась встать, добраться до детей. Но он, с рычанием, схватил её за талию. Они оба потеряли равновесие и рухнули на пол, извиваясь в борьбе.

Энигма перекатился на неё, придавил к полу. Она услышала неразборчивое бормотание. Пришло время убивать. Он опустил ладонь на её лицо, вдавливая голову в пол, лишая воздуха.

Другая рука сжимала нож. Она почувствовала, как в нём нарастает решимость. Конец. Лёгкие горели. Она беспомощно билась, но всё было тщетно. Казалось, вся тьма мира обрушилась на неё, удерживая на месте.

Она увидела ухмылку Энигмы, его фиолетовые глаза, пылающие яростью.

Дверь в часовню была заперта наглухо. Снаружи раздался оглушительный удар, от которого дверь содрогнулась. Это Аксель пытался пробиться внутрь.

— Блейз! — донёлся его крик. Еще один удар, и дерево раскололось.

— Мама! — раздался детский плач Макса. — Не трогай мою маму!

Малышка проснулась и залилась громким плачем.

Блейз чувствовала, как её окутывает тьма. Зрение покидало её, лишь слабые лучи света пробивались сквозь стужающиеся тени, а синева постепенно перетекала в глубокий индиго.

— Боже, помоги мне, — прошептала она в молитве. Но в ответ её ждала лишь темнота, всепоглощающая и бездонная...

Она падала, кружась в бесконечном падении, затягивающем её всё глубже и глубже...

Внезапно Энигма издал звериный рык и вонзил нож в грудь Блейз, прямо в сердце. Он выдернул окровавленное лезвие и снова обрушил его на неё, раз за разом. Кровь брызнула во все стороны.

В этот момент Аксель ворвался в комнату, отчаянно выкрикивая ее имя...

И вдруг появился свет, самый яркий свет, который она когда-либо видела. Он приближался, поглощая её целиком. Тёплый, ослепительный, наполненный безграничной любовью.

Мама! Отец!

Они ждали её, улыбаясь. Все ждали.

Она улыбнулась в ответ и потянулась к руке матери.

А потом умерла.

16

— Блeeeeeeeeeeeeейз!!!!!!!!!!!!!!!

Аксель издал долгий, полный отчаяния крик.

– Мамочка... – проскрипел Макс, его голос дрожал. Он с любовью повторил это имя, словно не веря своим глазам, растягивая каждый слог: – М... Ма.... Ма... Нееееет!

Аксель яростно сморгнул слёзы. Боль мгновенно переросла в слепую ярость. Стиснув зубы, он бросился на Энигму. Гнев на двойника, убийцу, захлестывал его. Мощный огненный апперкот врезался в грудь Энигмы, разрывая ткань одежды и прожигая кожу под ней.

– Большоооооой Апперкооооот!!!!!!!

Энигма отшатнулся, застигнутый врасплох. Боль от жестокого удара исказила его лицо.

Аксель на мгновение испытал удовлетворение, увидев Энигму в разорванной одежде, дымящегося и разъярённого. Если ты смог вывести его из себя, значит, ты задел его за живое.

Но этого было недостаточно. Энигма должен ответить за смерть Зана, Адама, Эмбер... а теперь и Блейз! Сколько ещё жизней он заберет?

– Ты убил Блейз! – взревел Аксель, его голос дрожал от ненависти. – Ты, грёбаный ублюдок!

Энигма присел, готовясь к прыжку, но Аксель уже замахнулся. Кулак врезался Энигме прямо в лицо, отбросив его назад.

– Мне это тоже очень понравилось, – прошипел Энигма, и на его лице расцвела насмешливая, кровожадная улыбка. – Как только я закончу с тобой, я выебу её труп...

С этими словами он прыгнул на Акселя, сбив его с ног и придавив всем телом к земле.

Инерция удара отбросила Акселя к стене. Рука Энигмы сжала его шею, перекрывая доступ к воздуху. Перед глазами Акселя замелькали искры, и всё, что он видел, – торжествующую ухмылку убийцы.

– Папа! – вскрикнул Макс, его маленькое тело сотрясилось от рыданий.

Нет!

Аксель был на грани потери сознания. Энигма, словно гурман, смаковал агонию Акселя, растягивая последние мгновения его жизни, наслаждаясь каждой секундой. Двойник, опьянённый своей властью, плюнул Акселю в лицо.

– Ну же, Аксель, глотни воздуха, – прошипел Энигма, ослабляя хватку. – Вот, я снова перекрываю кислород... но теперь ещё сильнее! И снова... на этот раз я закончу начатое!

Аксель был слаб, как никогда. Он почти сдался. Энигма сокрушил его почти без сопротивления. Может, это расплата за то, что он не смог спасти Блейз...

"Вот и всё, Аксель", – прозвучало в его голове, словно змеиный шёпот. "Ты не заслуживаешь жизни... Сдавайся". Энигма, несомненно, был телепатом.

Но именно это злорадство и стало его ошибкой. Ярость, вспыхнувшая в Акселе, словно искра в пороховой бочке, дала ему силы. Он собрал последние остатки воли и нанёс сокрушительный удар.

Кулак Акселя обрушился на правую часть головы Энигмы, и двойник отшатнулся от силы удара, покатился по полу, остановившись слева от Акселя.

Жадно хватая воздух, Аксель, словно раненый зверь, перекатился и набросился на злобного близнеца. Удар за ударом обрушивались на лицо Энигмы, каждая атака отзывалась волной боли в теле двойника.

Аксель бил рычащего, искаженного злобой человека снова и снова, и с каждым ударом выкрикивал:

– Она!

Бам!

– Была!

Бам!

– Моей!

Бам!

– Женой!

Аксель почувствовал, как правая рука немеет от усталости. Перехватив кулак левой, он обрушил град ударов на голову Энигмы. Ярость ослепляла его, не давая остановиться. Он видел, как плоть под его кулаками разлетается, как брызжет кровь, и чувствовал, как жизнь покидает Энигму, как его сила иссякает с каждым ударом, пока Аксель не довёл его до грани. – Ты, ублюдок!

Наконец, обессиленный, Аксель остановился, задыхаясь и обливаясь потом.

Казалось, Энигма делает последний, хриплый вдох. – Я скоро увижу тебя здесь, в аду, – просипел он. – Нексус никогда не умрёт...

– Не думаю, – прорычал Аксель. Он наклонился, поднял окровавленный нож, которым Энигма убил Блейз, и с яростью вонзил его глубоко в шею двойника. Фонтан крови хлынул из перерезанной артерии.

Глаза Энигмы расширились от ужаса. Он попытался отползти, спастись, но был слишком избит, слишком слаб. Боль пронзала его от колотой раны, от

раздробленного черепа... и от внезапного осознания, что он теряет слишком много крови. Он умирал. Аксель победил.

— Нет! — взревел Энигма. — Так не должно быть! — Аксель судорожно сглотнул. Краем глаза он видел неподвижное тело Блейз, лежащее неподалёку. — Ты всё правильно понял, — прошептал он, обращаясь скорее к себе, чем к умирающему.

Энигма издал булькающий крик, и затих. Его фиолетовые глаза застыли, уставившись в пустоту.

Аксель, охваченный последней волной гнева, наклонился и поднял тело Энигмы. Он пронёс его через всю часовню к витражному окну. Собрав последние силы, он швырнул тело в стекло. Раздался оглушительный треск, когда витраж разлетелся вдребезги, а тело Энигмы исчезло в вихре пепла за окном, где его ждало адское возмездие. Аксель закрыл лицо руками, не в силах смотреть.

Обессиленный, он рухнул на колени у ног неподвижного тела Блейз.

— Б... Блейз... — всхлипывал он, слёзы текли по его лицу. Он взял её мёртвые руки и прижал их к своим губам, отчаянно надеясь, что она каким-то чудом проснётся. Но она не проснулась.

Она была мертва.

— Я люблю тебя... — прошептал он, слова утонули в горе. — Я всегда буду любить тебя...

Вдруг, словно луч солнца, пробившийся сквозь мрак, его разум пронзил голос сына: — Папа! Пожалуйста, заberi нас отсюда!

Аксель глубоко вздохнул, стирая слёзы. Он призвал на помощь всю свою отцовскую сдержанность, ту бессмертную любовь, что жила в нём ради детей. Собравшись с силами, он подошел к стазис-камере, где удерживались Макс и Дженнифер. Наклонившись, он начал отключать поле, и разум его бушевал от нахлынувших чувств. С тихим жужжанием аппарат деактивировался, и детей осторожно опустили на пол.

Аксель подхватил на руки Дженнифер, а Макс, нуждаясь в утешении, крепко обнял его за ноги.

— Я люблю тебя, папа, — прошептал Макс, прижимаясь к нему.

— И я тебя люблю, сынок.

В тишине повис тяжёлый вопрос. — Мама умерла? — спросил мальчик, всхлипывая. — Она теперь на небесах?

Аксель сглотнул, борясь с новой волной слёз. Он закрыл глаза, крепче прижимая сына к себе. — Да, — прошептал он, и голос его дрогнул. — Да, она там. Мне так жаль, Макс. Мне так жаль...

Всё было кончено.

Энигма мёртва, и мир снова в безопасности от той невидимой, но катастрофической угрозы, что исходила из его адского царства.

Но Акселю не до празднования.

Два часа он пребывает в оцепенении, расхаживая по часовне. Подходит к витражному окну, смотрит на густую метель пепла, бушующую снаружи. Возвращается к неподвижному телу Блейз, падает на колени и разражается безутешным рыданием.

Блейз мертва.

Он не может этого принять, не может поверить. Любовь всей его жизни... его жена, мать его детей... мертва?

Нет! Только не снова! Сначала Шелли, а теперь Блейз... Они столько пережили вместе! Это несправедливо!

Но вот она, перед ним, безжизненная. Изрешечённая ножевыми ранами, залитая кровью. И всё же, несмотря на жестокую смерть, она выглядит умиротворённой, словно приняла свою судьбу без сопротивления.

Это не похоже на Блейз. Она была бойцом, всегда. С тех пор, как он встретил её пятнадцать лет назад, она всегда бросала вызов опасности, особенно когда дело касалось тех, кто пытался её убить. Вся её жизнь была чередой покушений, начиная с младенчества.

Почему сейчас?

Слёзы текут по его лицу. Он помнит смерть Шелли, ту боль... Но сейчас всё гораздо хуже.

"Пока смерть не разлучит нас..." Сейчас, в этом проклятом месте, их девять лет брака подошли к жестокому концу. И всё из-за Энигмы... двойника Акселя, его истинного "я". Жестокая ирония судьбы... Эта мысль ещё долго будет преследовать его. Столько вопросов, столько "что, если"... Слишком много, чтобы осмыслить сейчас.

Энигме не удалось уничтожить мир, но он преуспел в том, чтобы погрузить мир Акселя в пучину смерти, отчаяния и разрушения. Злодей одержал победу – месть свершилась. Блейз мертва, Аксель раздавлен, а Макс и Дженнифер сиротели...

Трагедия.

Аксель поворачивает голову к Макс. Мальчик сидит на ступеньках алтаря, баюкая на руках младшую сестру и тихо всхлипывая. Малышка тоже плачет, голодная, уставшая, нуждающаяся в матери. Аксель вздыхает. Их будущее теперь неопределённо. Он знает, что всё изменилось навсегда.

Он поднимается, устало выдыхает. – Ладно, сынок, – говорит он. – Нам пора выбираться отсюда.

Макс вытирает слёзы. – Но как? – спрашивает он. – Ты же говорил, мы в ловушке.

Аксель с трудом сглотнул. Горло пересохло так, словно он целую вечность не пил воды. Нужно действовать, и немедленно. Смириться с гибелью в этом аду он не собирался. Наклонившись, он перекинул безжизненное тело Блейз через плечо.

– Может, и сработает, – пробормотал он, – У меня есть одна идея.

Дорога до отеля, где Аксель и Блейз впервые столкнулись с адом Лос-Анджелеса, заняла несколько мучительных часов.

Аксель нёс Блейз, а Макс – Дженнифер. Обратный путь по раскалённым просторам ада казался бесконечным. Жара, усталость, постоянное ощущение опасности... И всё же, на удивление, обошлось без происшествий. Аксель ожидал нападения демонов за каждым углом, но отвратительные твари словно чувствовали их боль. Они беспрепятственно пропустили их, будто понимали, что смерть Блейз – уже достаточная мука. Словно оставить их наедине с горем было наказанием, куда более жестоким, чем всё, что мог придумать Ад. Аксель шёл, погружённый в собственные мысли, почти мечтая...

Нет места лучше дома.

Штаб-квартира ФБР
Вашингтон, округ Колумбия
12 августа

– Мне очень жаль, Аксель, – произнёс Дизи с искренним сочувствием в голосе, и его лицо отразило эту скорбь. – Я действительно сожалею... Блейз была выдающейся женщиной. Она успела сделать так много за свою короткую жизнь. Как основательница Firestorm, она привлекла к ответственности бесчисленное количество преступников, не раз спасала нас всех от гибели... Мир в неоплатном долгу перед ней, и я даже не знаю, с чего начать перечислять её заслуги. – Он откинулся на спинку стула, потянулся к стакану и сделал большой глоток воды.

Аксель молча кивнул, повторяя его жест. С тех пор, как он вернулся в реальный мир меньше суток назад, он пил много, и не только воду...

– Она не заслужила смерти. Никто не заслужил.

Мерфи фыркнул, соглашаясь: – Ты прав. Слишком много хороших людей погибло во время этих событий... Адам Хантер... Эдди Хантер... Гилберт Зан... Блейз Филдинг-Стоун... Тина Стоун... Господи, Аксель. Ты как?

Он стиснул зубы и пожал плечами. Этот вопрос преследовал его с момента возвращения. — Честно говоря, Мерфи, — ответил он, — я не знаю. На этой неделе я потерял лучшего друга, сестру и жену. Я ещё даже не начал осознавать всё это. Дайте мне время.

Мерфи вздохнул. — Послушай, успокойся, брат. Угроза от Энигмы миновала. Данные со спутников показывают, что Лос-Анджелес возвращается к нормальной жизни. Никаких следов активности Энигмы по изменению фазы больше нет. А что касается "Казюс Инфернус", мы разобрали его и уничтожили контролируемым взрывом. Этого больше никогда не повторится. Если это хоть как-то тебя утешит, Блейз погибла, защищая наш мир от участи, которая хуже смерти... Благодаря ей у наших детей и внуков есть шанс на будущее...

Аксель облизнул пересохшие губы. — Я знаю...

Он повернул голову к окну, глядя на кристально-голубое небо, на лёгкие облака, собирающиеся на горизонте. Это было такое прекрасное зрелище. Простое и одновременно прекрасное. Каким-то образом он чувствовал, что Блейз где-то там, наверху, улыбается ему.

"Я всегда буду любить тебя, Блейз," — подумал он.

Я никогда тебя не забуду...

— Эпилог —

Исла-дель-Коко
В 550 милях к западу от Эквадора
14 августа

Остров Кокос, окружённый глубокими синими водами, был настоящим раем. Здесь обитали многочисленные популяции акул-молотов, скатов, дельфинов и других крупных морских обитателей. Влажный и пышный климат придавал острову уникальный характер, отличавший его от других островов Галапагосского архипелага и, пожалуй, всего региона.

Гористый ландшафт был покрыт густыми лесами, полными экзотической фауны. Благодаря горам и тропическому климату, на острове насчитывалось более двухсот водопадов. Это было красивое, нетронутое место, лишь однажды заселенное племенем тсачила, основавшим небольшое поселение на севере, недалеко от Вафельного залива.

Именно в этом племени тридцать семь лет назад родилась Блейз Филдинг. И теперь, в этот день 2030 года, казалось символичным, что её тело покоится здесь, в руинах заброшенного поселения, где она впервые познала любовь, прежде чем обстоятельства вынудили её покинуть это место.

Полуденное солнце ярко сияло в чистом голубом небе, согревая землю. Бабочки порхали в тихом воздухе, в блаженной безмятежности.

Аксель вытер слёзы с глаз, держа Дженнифер на руках и наблюдая, как гроб с телом Блейз опускают в землю. Он нежно поцеловал Дженнифер в щёку, прошептав ей на ухо: "Я люблю тебя".

Затем он наклонился и ободряюще сжал руку Макса. Макс опустил взгляд, не в силах проводить свою мать в последний путь.

Здесь собралась большая толпа, чтобы отдать последние почести Блейз. Аксель узнавал многих: Мерфи, Дизи, а также сотрудники полиции Лос-Анджелеса, ФБР, Интерпола и МИ-6, шеф Уиндэма, мать Адама Долорес, Пул-8, Шам Мохаммад, Лиззи Ортега, Джейк Самнер, Лео "Баста" Лопес, Дюк Ода и его дочь Кэти. Даже Джо Мусаси, его жена Наоко и двое их сыновей, Морицунэ и Хотсума, прилетели из Японии. Появилась и Джоди Келли, явно беременная. Акселю было приятно видеть такую поддержку от друзей, многих из которых он теперь считал своей большой семьёй.

Когда могилу засыпали, Аксель ощутил, как тяжёлая волна окончательности обрушилась на него. Словно удар в грудь. Он подошёл к краю, бросил цветок на свежую землю, последний знак уважения и сожаления о том, что всё могло сложиться иначе. Подняв взгляд к небу, он безмолвно пообещал Блейз, что они встретятся в Небесах, прежде чем вернуться к остальным.

— Невероятное место, — произнесла Джоди Келли, осматривая разрушенные хижины и выжженную землю деревни, удивительно хорошо сохранившиеся, несмотря на прошедшие годы.

Аксель кивнул. — Да. Здесь родилась Блейз...

Джоди сочувственно улыбнулась и легонько коснулась его щеки губами. — Мне так жаль, Аксель. Если тебе что-нибудь понадобится, я всегда рядом. — Она перевела взгляд на Дженнифер, которая проснулась в его объятиях, и её большие карие глаза невинно моргали.

— У неё глаза матери, — тихо сказала Джоди.

Аксель улыбнулся. — Да, это так. В каком-то смысле, Блейз всегда будет жить в наших детях.

— Она будет жить, — подтвердила Джоди. — И ты будешь ими гордиться. — Она потёрла живот, почувствовав лёгкий толчок. — У меня будет мальчик. Я хочу назвать его Кёртис.

— Кёртис Хантер, — Аксель произнёс имя вслух, пробуя его на вкус. Он улыбнулся. — Звучит хорошо. Очень хорошо.

— Может быть, когда-нибудь наши дети будут играть вместе, — предложила Джоди.

— Может быть...

Аксель глубоко вздохнул. Джоди была права. Блейз будет жить – в его воспоминаниях, в их детях. Может быть, когда-нибудь он напишет книгу о её жизни... это была бы захватывающая история.

– Ты сделал свою работу, Аксель, – сказала Джоди, её голос был тихим и уважительным. – Думаю, с этим покончено, да?

Аксель коротко кивнул. – Покончено.

– Жаль, что она не выжила. Но, с другой стороны, – она вздохнула, – кто вообще выживает?

Позже тем же вечером Аксель вернулся на материк. Солнце уже утонуло в горизонте, когда он сел за руль своей машины. Лицо его скрывалось в тени, взгляд был устремлён вперёд, в непроглядную тьму. Жена, сестра, лучший друг – все они были мертвы. И горькая ирония судьбы заключалась в том, что именно сейчас, после всего пережитого, он ощущал вкус к жизни острее, чем когда-либо прежде. Не только к своей собственной, но и к любой жизни, к самой её сути. Он жаждал ответов, тех самых, что мучают каждого: откуда мы приходим? Куда идём? Сколько времени нам отпущено? Единственное, что он мог сейчас делать – двигаться дальше. Но куда? Он ещё не знал.

С этой мыслью фары машины Акселя пронзили ночную тьму, исчезая в ней. Если бы это не сделал Энигма, это сделал бы кто-нибудь другой, – эта мысль, как заезженная пластинка, крутилась в его голове.

Я не вернусь в город. Не в этот город. Там меня больше ничего не ждёт. Блейз всегда говорила, что главное преимущество жизни – это свобода выбора. И она сделала свой выбор. И какая-то извращённая часть меня почти рада этому. Не тому, что она ушла, а тому, что они больше никогда не смогут до неё дотянуться. Боль от её потери будет преследовать меня долго. Но, думаю, пришло время новому поколению выйти на Улицы Ярости.

КОНЕЦ
?

ОБ АВТОРЕ:

Мэтью Дж. Друри – автор бестселлеров, живущий в округе Лос-Анджелес, штат Калифорния. Он родился в Англии и провёл большую часть своей юности в Ситтингборне, кентском городке в сорока милях к юго-востоку от Лондона. В 2011 году он опубликовал свой первый массовый научно-фантастический роман. Мэтью живёт в Калифорнии со своей женой Марси и двумя детьми, Лоис и Джексоном. Мэтью является поклонником SOR с 1992 года и является веб-мастером на сайте "SOR Online" и сообществе фанатов. Он был поклонником видеоигр в целом ещё со времен Commodore C16. На протяжении многих лет он также владел системами Sega Master System, Mega Drive, Mega CD, Saturn, Dreamcast, Nintendo Game Boy, GBA, N64, GameCube, Wii, Sony PS1, PS2, PS3

и Xbox 360. Как и COP, он также является большим поклонником серий "Doom" и "Resident Evil".

Контакты автора:

Email: admin@soronline.net

@OfficialMDrury – Twitter

О ПЕРЕВОДЧИКЕ:

Сергей Максименко – обычный русский парень, любитель видеоигр. Всю свою жизнь посвятил изучению видеоигр, начиная от машин I поколения (Magnavox Odyssey) и заканчивая уже X поколением (Nintendo Switch 2). Ведёт свою группу в социальной сети ВКОНТАКТЕ. С недавних пор начал активно интересоваться литературой, связанной с «волшебным миром видеоигр», в частности, с ещё не переведёнными произведениями зарубежных авторов. С их разрешения, знакомит фанатов из России с творчеством именитых авторов, пишущих на видеоигровые темы.

Контакты переводчика:

Email: sergei-maximenko.2014@yandex.ru

VK (страница) – <https://vk.com/sergeymaksimenko1989>

VK (сообщество) – <https://vk.com/oneandonly2025>